

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

СТРАХ И НАДЕЖДА

КАК ЧЕРЧИЛЛЬ
СПАС БРИТАНИЮ
ОТ КАТАСТРОФЫ

ЭРИК ЛАРСОН

Эрик Ларсон

**Страх и надежда. Как Черчилль
спас Британию от катастрофы**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62

Ларсон Э.

Страх и надежда. Как Черчилль спас Британию от катастрофы /
Э. Ларсон — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-96-147413-8

В 1940 году Адольф Гитлер вторгся в Голландию и Бельгию, пали Польша и Чехословакия, а до эвакуации войск с побережья Франции оставалось всего две недели. Жители Лондона и окрестностей со дня на день ожидали вторжения немецких войск с моря и с воздуха, а впереди была «Битва за Британию» – изматывающее противостояние с силами люфтваффе. В это сложное для страны время Уинстон Черчилль занял пост премьер-министра Великобритании, чтобы продемонстрировать всему миру, что такое истинное политическое лидерство. В своей книге Эрик Ларсон описывает повседневную жизнь Черчилля, его семьи и обычных горожан в самый мрачный год в истории Лондона XX века, основываясь на дневниках, архивных документах и рассекреченных докладах разведки, некоторые из которых стали доступны историкам совсем недавно. «Страх и надежда» – это увлекательный рассказ о том, как красноречие и упорство великого государственного деятеля объединили нацию перед натиском неумолимого ужаса.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-96-147413-8

© Ларсон Э., 2020
© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

К читателю	6
Тяжкие предчувствия	9
1940	12
Часть первая. Угроза растет	12
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эрик Ларсон

Страх и надежда. Как Черчилль спас Британию от катастрофы

Переводчик А. Капанадзе

Редактор А. Соловьев

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта А. Деркач

Арт-директор Ю. Буга

Адаптация оригинальной обложки Д. Изотов

Корректоры Е. Смирнова, Е. Аксёнова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Фото в книге и на обложке Gettyimages.ru

© 2020 by Erik Larson

© The Estate of Winston S. Churchill

© The Trustees of the Mass Observation Archive

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблицер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Дэвиду Вудруму – по тайным причинам

Человеку (к счастью – иначе жизнь была бы невыносима) почти не дано предвидеть или предсказывать ход грядущих событий.

Уинстон Черчилль,

речь на заупокойной службе по Невиллу Чемберлену,

12 ноября 1940 года

К читателю

Лишь переселившись на Манхэттен несколько лет назад, я со внезапной ясностью осознал, что ньюйоркцы, пережившие события 11 сентября 2001 года, воспринимали их совсем иначе, нежели все мы, наблюдавшие за этим кошмаром на расстоянии. Атаке подвергся их родной город. Ощувив эту разницу, я почти сразу же задумался о немецких авианалетах на Лондон в 1940–1941 годах, невольно задавшись вопросом: как же это вообще можно было вынести – бомбардировки на протяжении 57 ночей подряд, а затем – еще полгода непрекращающихся, все более массированных ночных рейдов?

В связи с этим я особенно много размышлял об Уинстоне Черчилле. Как он сумел выстоять? Как сумели выстоять его близкие и друзья? Каково ему было, когда его город бомбили ночь за ночью, притом что он отлично сознавал: эти воздушные налеты при всей своей чудовищности служат лишь прологом к куда более ужасным вещам – вторжению немецких войск с моря и воздуха, когда парашютисты будут опускаться прямо в его сад, танки нацистов залязгают по Трафальгарской площади, а отравляющие газы поплывут над пляжем, где он когда-то рисовал море?

И я решил выяснить, каково это. Но быстро понял, что одно дело – сказать «Ну давай», но совсем другое – осуществить задуманное. Я решил сосредоточиться на первом годе Черчилля в премьерском кресле (с 10 мая 1940 года по 10 мая 1941 года). Именно на это время пришлось многомесячное авиационное сражение, известное как Битва за Британию. Начавшись со спорадических (и, казалось бы, довольно бесцельных) налетов, эта кампания разрослась до полномасштабной воздушной войны. Этот год завершился уик-эндом, полным насилия, в котором было что-то воннегутовское, когда банальность и фантазмагория слились воедино, ознаменовав собой (как позже выяснилось) первую великую победу антигитлеровских сил.

Конечно же, эта книга вовсе не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим рассказом о жизни Черчилля. Эта честь принадлежит другим авторам, в числе которых его неутомимый (но, увы, не бессмертный) биограф Мартин Гилберт, чье восьмитомное исследование может удовлетворить самый взыскательный интерес. Моя же книга носит более личный характер. Она посвящена повседневной жизни Черчилля и его окружения, темным и светлым моментам, романтическим приключениям и неурядицам, скорби и смеху, разного рода мелким эпизодам, показывающим, как на самом деле жилось людям под натиском гитлеровской стальной бури. Это был год, когда Черчилль стал для нас *тем самым Черчиллем*, бульдогом с неизменной сигарой; год, когда он произносил свои величайшие речи и показал всему миру, что такое истинная храбрость и истинное политическое лидерство.

Иногда может показаться, что в этой книге есть элементы художественного вымысла, однако на самом деле это не так. Все, что при цитировании заключено в кавычки, взято из какого-то исторического документа (дневника, письма, воспоминаний и т. п.). Всякое упоминание жестов, взглядов, улыбок и мимики основано на воспоминаниях свидетелей. Если что-то в тексте противоречит выработавшимся у вас представлениям о Черчилле и его эпохе, могу лишь заметить, что история – обитель весьма оживленная, в ней всегда масса неожиданного.

*Эрик Ларсон
Манхэттен, 2020 год*

Тяжкие предчувствия

Никто не сомневался, что бомбардировщики рано или поздно прилетят. Планирование обороны началось задолго до войны, хотя те, кто ее планировал, не имели в виду какую-то конкретную угрозу. Все понимали, что Европа есть Европа. Былой опыт (если, конечно, на него вообще можно полагаться) показывал, что война может разразиться где угодно и когда угодно. Британские военачальники видели мир сквозь призму пережитого империей во время предыдущей войны, Первой мировой, которую в Европе называют Великой, – с массовой гибелью солдат и мирных жителей, с первыми в истории систематическими воздушными налетами, когда немецкие цеппелины бомбили Англию и Шотландию. Первые такие рейды произошли в ночь на 20 января 1915 года, а за ними последовали еще 50 с лишним: гигантские дирижабли, тихо плывшие над английскими пейзажами, сбросили в общей сложности 162 т бомб, убивших 557 человек¹.

С тех пор бомбы стали крупнее, смертоноснее и хитроумнее, в них появились устройства, позволявшие отложить взрыв на определенное время или заставлявшие их визжать при падении. Одна колоссальная немецкая бомба 13 футов (почти 400 см) длиной и 4000 фунтов (более 1,4 т) весом под названием «Сатана» могла разрушить целый квартал². Самолеты, которые несли эти бомбы, тоже стали больше, теперь они могли летать быстрее и выше, а значит, им легче было избегать ударов британской ПВО. 10 ноября 1932 года Стэнли Болдуин, тогдашний заместитель премьер-министра, в ходе своего выступления в палате общин дал такой прогноз: «Думаю, обывателю стоило бы осознавать, что на свете не существует такой силы, которая защитила бы его от бомбардировки. Что бы ему ни говорили, бомбардировщик всегда пробьется к цели»³. По его мнению, единственным эффективным методом обороны была атака: «Иными словами, если вы хотите спасти себя, вам надо убить больше женщин и детей, чем противник, и сделать это быстрее».

Британские специалисты по гражданской обороне, опасаясь «сокрушительного удара»⁴, предсказывали, что первый же воздушный налет на Лондон уничтожит если не весь, то почти весь город, а число жертв среди мирных жителей составит около 200 000⁵. «Было широко распространено мнение, что Лондон превратится в руины уже в первые же минуты после объявления войны», – писал один из младших чиновников, работающих в этой сфере⁶. Предполагалось, что эти налеты вызовут среди уцелевших такой ужас, что миллионы британцев сойдут с ума. «Лондон на несколько дней обратится в гигантский беснующийся бедлам, – пророчил в 1923 году военный теоретик Джон Фуллер. – Толпы страждущих начнут штурмовать больницы, всякое уличное движение остановится, повсюду будут слышаться жалобные вопли тех, кто лишился крова, и весь город превратится в кромешный ад»⁷.

---

¹ Overy, *Bombing War*, 20.

² "Examples of Large German Bombs," Dec. 7, 1940, HO 199/327, UKARCH. См. также: "Types of German Bombs and Mines," Jan. 3, 1941, HO 199/327, UKARCH. Точная масса бомбы «Сатана» (до округления) – 3970 фунтов.

³ Fort, *Prof*, 130; Overy, *Bombing War*, 14–15.

⁴ «Сокрушительный удар» – элемент популярной в межвоенный период теории стратегических бомбардировок, способных, как считалось, обеспечить победу в войне без активных боевых действий на суше или на море за счет разрушения ключевых инфраструктурных объектов противника. Следует отметить, что руководство нацистской Германии к этим теориям относилось с некоторым скепсисом, считая авиацию прежде всего средством поддержки сухопутных и морских сил, а стратегические бомбардировки – скорее средством морального подавления, чем решающим элементом военной стратегии. В военно-политических кругах Великобритании и США, однако, бытовало противоположное мнение. – *Прим. ред.*

⁵ Süß, *Death from the Skies*, 407.

⁶ Colville, *Fringes of Power*, 1:20; Harrisson, *Living Through the Blitz*, 24, 39.

⁷ Ryan, *Bertrand Russell*, 146; Field, "Nights Underground in Darkest London," 13.

Из предварительных оценок министерства внутренних дел следовало, что при соблюдении стандартной процедуры погребения гробовщикам понадобится 20 млн квадратных футов «гробовой древесины», но обеспечить их материалом в таком объеме будет невозможно⁸. Поэтому им придется делать гробы из толстого картона либо из папье-маше – или же хоронить покойников просто в саванах⁹. «Для массовых захоронений, – рекомендовало министерство здравоохранения Шотландии, – лучше всего подходит траншея, достаточно глубокая, чтобы вместить пять слоев тел»¹⁰. Планировщики требовали открытия глубоких карьеров на окраинах Лондона и других крупных городов, причем эти работы следовало вести максимально скрытно. Сотрудников моргов предполагалось обучать дегазации тел и одежды людей, погибших от воздействия отравляющих газов¹¹.

Когда 3 сентября 1939 года в ответ на вступление гитлеровских сил в Польшу Великобритания объявила войну Германии, правительство стало всерьез готовиться к немецким бомбардировкам, которые, как ожидалось, должны были предвосхищать вторжение нацистов. Для обозначения начала вторжения было принято кодовое слово «Кромвель»¹². Британское министерство информации выпустило специальные листовки «Как победить захватчика»¹³: эти довольно мрачные предостережения распространили по миллионам домов. Они предупреждали: «Когда враг высадится на нашу землю... начнутся самые ожесточенные сражения». Читателей призывали следовать всем указаниям правительства по поводу эвакуации. В этих листовках были и такие слова: «Когда вторжение начнется, будет уже слишком поздно уходить. <...> СТОЙТЕ НЕПРЕКЛОННО». По всей Британии смолкли церковные колокола. Их звон теперь мог означать только сигнал тревоги – знак того, что слово «Кромвель» уже прозвучало и захватчики движутся к британским берегам. Звон колокола также мог указывать на то, что неподалеку замечены отряды вражеских парашютистов. Листовка предписывала в таком случае немедленно «вывести из строя и спрятать ваш велосипед и уничтожить ваши географические карты». Автовладельцы же должны были «извлечь распределительную головку вместе с приводами и либо слить горючее из бензобака, либо вынуть карбюратор. Если вы не знаете, как это сделать, заранее проконсультируйтесь в ближайшем гараже».

В городах и деревнях снимали указатели, а карты продавали только тем, у кого имелось специальное разрешение от полиции¹⁴. Фермеры оставляли в полях старые легковые машины и грузовики, чтобы те мешали приземлению десантных планеров врага. Правительство раздало гражданскому населению 35 млн противогазов¹⁵. Их носили с собой и на работу, и в церковь, а на ночь клали рядом с кроватью. Лондонские почтовые ящики покрыли индикаторной желтой краской, которая обладала способностью менять цвет под воздействием некоторых ядовитых газов¹⁶. Строжайшая светомаскировка погрузила город в такую темень, что лица пассажиров вечерних и ночных поездов на вокзале были почти неразличимы¹⁷. В безлунные ночи пешеходы то и дело выскакивали перед автомобилями и автобусами (ехавшими с погашенными фарами), натыкались на фонарные столбы, падали с тротуаров на мостовую, спотыкались о мешки с песком.

⁸ Harrisson, *Living Through the Blitz*, 24.

⁹ "Mortuary Services," Department of Health, Scotland, March 1940, HO 186/993, UKARCH.

¹⁰ Там же; Süß, *Death from the Skies*, 409.

¹¹ "Civilian Deaths due to War Operations," Department of Health, Scotland, Feb. 28, 1939, HO 186/1225, UKARCH.

¹² Stansky, *First Day of the Blitz*, 101, 102.

¹³ Решение о выпуске 14 млн копий было принято 24 апреля 1941 года. – *Прим. ред.*

¹⁴ "World War II Diary," 49, Meiklejohn Papers; Bell, "Landscapes of Fear," 157.

¹⁵ Basil Collier, *Defense of the United Kingdom*, 69; Longmate, *Air Raid*, 78.

¹⁶ Ziegler, *London at War*, 73; Ogden, *Life of the Party*, 77.

¹⁷ "World War II Diary," 15, Meiklejohn Papers.

Внезапно все начали активно интересоваться фазами Луны. Разумеется, бомбить можно и днем, но считалось, что в темное время суток бомбардировщики смогут находить цели только с помощью лунного света. Полнолуние, а также вторую и третью четверть стали называть «луной для бомбежек»¹⁸. Несколько утешало, что бомбардировщикам (и, что еще важнее, истребителям сопровождения) придется лететь с «домашних» баз, расположенных в Германии, и это огромное расстояние резко ограничит их дальность и смертоносность. Но это предполагало, что Франция – с ее могучей армией, с ее линией Мажино, с ее мощным флотом – будет стоять непоколебимо, тем самым ограничив возможности люфтваффе и перекрыв немецким войскам все пути для вторжения в Великобританию. Стойкость французов являлась краеугольным камнем оборонительной стратегии британцев. Падение Франции казалось совершенно невыносимым.

«Атмосфера более чем тревожная, – писал 7 мая 1940 года в своем дневнике Гарольд Никольсон, который вскоре станет парламентским секретарем¹⁹ в британском министерстве информации. – Всех охватил настоящий ужас»²⁰. Он договорился с женой, писательницей Витой Саквилл-Уэст, что в случае необходимости они совершат двойное самоубийство – лишь бы не попадать в плен к немецким захватчикам. «Должно существовать какое-то быстрое, безболезненное и компактное средство, – писала она ему 28 мая. – О мой милый, мой дорогой, как мы дошли до такого!»

Стечение непредсказуемых обстоятельств и непреодолимых сил в конце концов все же привело немецкие бомбардировщики в небо над Лондоном. Первый рейд на английскую столицу состоялся 10 мая 1940 года, перед самыми сумерками, в один из прекраснейших вечеров одной из чудеснейших весен, какие могли припомнить старожилы.

---

¹⁸ Longmate, *Air Raid*, 74; Manchester and Reid, *Defender of the Realm*, 104.

¹⁹ Парламентский секретарь – руководитель отдела по связям с парламентом. – *Прим. пер.*

²⁰ Nicolson, *War Years*, 77, 84, 91.

1940

Часть первая. Угроза растет

Май-июнь

Глава 1

Уход Коронера

Кавалькада машин мчалась по Мэллу, широкому бульвару между Уайтхоллом, где находится министерства британского правительства, и Букингемским дворцом – 775-комнатной резиденцией короля Георга VI и королевы Елизаветы. Каменный фасад дворца, погруженный в тень, уже виднелся в конце бульвара. Было самое начало вечера пятницы 10 мая. Повсюду цвели колокольчики и примулы. Нежная зеленая дымка первой весенней листвы окутывала кроны деревьев. Пеликаны королевского Сент-Джеймс-парка наслаждались весенним теплом, между тем как лебеди, их менее экзотические сородичи, скользили по воде со своим обычным суровым равнодушием к людям. Тем ужаснее на фоне этих красот выглядели события того дня. На рассвете 10 мая немецкие танки, пикирующие бомбардировщики и парашютисты смертельной лавиной обрушились на Голландию, Бельгию и Люксембург.

На заднем сиденье первого автомобиля ехал глава военно-морского флота Великобритании – Первый лорд Адмиралтейства, 65-летний Уинстон Черчилль. Когда-то, во время предыдущей войны, он уже занимал этот пост. С началом новой премьер-министр Невилл Чемберлен вернул его на эту должность. Во второй машине ехал телохранитель Черчилля детектив-инспектор Уолтер Генри Томпсон из Специального отдела Скотленд-Ярда. Высокий и подтянутый, с острым носом, этот полицейский страж был, казалось, вездесущ. Его часто можно заметить на официальных групповых снимках, но о нем редко упоминают. Он был одним из бесчисленных «трудяг» – так в те времена называли тех безвестных работников, которые обеспечивали повседневные функции правительства: все эти мириады личных и парламентских секретарей, ассистентов, машинисток составляли пехоту Уайтхолла. Однако, в отличие от большинства «трудяг», Томпсон постоянно носил в кармане пальто пистолет.

Черчилля вызвали к королю. Причина вызова казалась очевидной – во всяком случае для Томпсона. «Я ехал позади Старика, испытывая неопишемую гордость», – вспоминал он позже²¹.

И вот Черчилль вошел во дворец. Королю Георгу было тогда 44 года, три с половиной из которых он провел на троне. Прихрамывающий, с иксообразными ногами и толстыми губами, очень крупными ушами, к тому же страдающий от заметного заикания, он казался довольно хрупким – особенно по сравнению со своим посетителем, который, хоть и был на три дюйма ниже, отличался изрядной тучностью. Король не доверял Черчиллю, симпатии которого к Эдуарду VIII, старшему брату правящего монарха (некогда он увлекся разведенной американкой Уоллис Симпсон, в результате чего вынужден был в 1936 году отречься от престола), оставались камнем преткновения в отношениях между Черчиллем и королевским семейством. Кроме того, короля в свое время весьма задела черчиллевская критика действий премьер-министра Чемберлена в связи с Мюнхенским соглашением 1938 года, позволившем Гитлеру аннексиро-

---

²¹ Thompson, *Assignment*, 164.

вать часть Чехословакии. Король с большим подозрением относился к самой независимости Черчилля и к его политической беспринципности²².

Он попросил Черчилля сесть и некоторое время смотрел на него, как позже вспоминал сам Черчилль, с выражением несколько ироничного недоумения.

Наконец король произнес:

– Полагаю, вы догадываетесь, почему я послал за вами?

– Ваше величество, я даже представить себе не могу²³.

Незадолго до того в палате общин произошло настоящее восстание, сильно пошатнувшее позиции правительства Чемберлена. Все началось со споров о неудачной попытке Британии выбить немецкие войска из Норвегии, которую Германия оккупировала месяцем раньше. Как Первый лорд Адмиралтейства Черчилль отвечал за военно-морскую составляющую операции. Теперь уже войскам самой Британии угрожал разгром – перед лицом неожиданно яростной атаки Германии. Парламентские баталии закончились призывами к смене правительства. По мнению смутьянов, 71-летний Чемберлен, прозванный Коронером и Старым Зонтиком, просто не мог справиться с руководством страной в условиях все более ожесточенной войны. 7 мая один из парламентариев, Леопольд Эмери, безжалостно обрушился на Чемберлена, позаимствовав инвективы Оливера Кромвеля образца 1653 года: «Вы сидите здесь слишком долго и совершили за это время слишком мало! От вас пора избавиться, убирайтесь! Уходите, во имя Господа!»²⁴²⁵

Палата общин провела голосование о доверии правительству – по старинному методу «разделения», когда парламентарии выстраиваются в вестибюле в два ряда (по голосам «за» и «против») и затем проходят мимо специально назначенных счетчиков, которые и регистрируют их голоса. На первый взгляд голосование принесло Чемберлену победу (281 «за» и всего 200 «против»), однако на фоне прежних голосований становилось ясно, насколько пал его авторитет.

После этого Чемберлен встретился с Черчиллем и сообщил, что планирует уйти в отставку. Но Черчилль, желая казаться лояльным по отношению к премьеру, убедил его передумать. Это приободрило короля, но заставило одного из парламентских бунтарей, взбешенного потугами Чемберлена цепляться за премьерство, уподобить того «замызганному куску старой жевательной резинки, прилепившемуся к ножке стула»²⁶.

К 9 мая (это был четверг) античемберленовская фракция только укрепилась в своей решимости. С каждым часом его уход казался все более неизбежным. Два наиболее вероятных претендента на его пост определились быстро: министр иностранных дел лорд Галифакс и Первый лорд Адмиралтейства Черчилль, обожаемый значительной частью британского общества.

Но потом наступила пятница, 10 мая, – день блицкрига Гитлера в Нижних Землях²⁷. Эта новость омрачила атмосферу в Уайтхолле, хотя Чемберлену она принесла проблеск надежды:

---

²² К описываемому периоду Черчилль успел несколько раз сменить свои политические пристрастия: начав политическую карьеру членом Консервативной партии, через четыре года он перешел в Либеральную, чтобы еще через 20 вернуться к консерваторам (в промежутке успев попробовать себя и в качестве независимого кандидата). Кроме того, его выступления в парламенте и решения, принимаемые на государственных постах, часто шли вразрез с политической платформой партии, к которой он формально принадлежал. – *Прим. ред.*

²³ Wheeler-Bennett, *King George VI*, 444n. Подробнее о чувствах короля по отношению к Черчиллю см. там же, 445–446.

²⁴ Слова, обращенные Кромвелем к парламенту, члены которого не переизбирались с 1640 года и теперь решили сделать свое членство пожизненным. Парламент после этого был распущен. – *Прим. пер.*

²⁵ Olson, *Troublesome Young Men*, 294; Andrew Roberts, *"Holy Fox,"* 196. (Олсон дает три восклицательных знака – в конце каждой из трех фраз, Робертс – лишь один, в конце последней. Впрочем, представляется, что это был подходящий момент для восклицаний.)

²⁶ Olson, *Troublesome Young Men*, 306.

²⁷ Нижние Земли – историческое название территорий, на которых расположены современные Нидерланды, Бельгия и Люксембург. – *Прим. ред.*

может быть, ему удастся удержаться на посту? Палата общин наверняка согласится, что во время таких масштабных событий неразумно менять правительство. Но парламентские бунтари ясно дали понять, что не намерены работать с Чемберленом, и стали проталкивать кандидатуру Черчилля.

Чемберлен понял, что выбора у него нет: надо уходить. Он настойчиво предлагал лорду Галифаксу стать своим преемником. Галифакс казался более уравновешенным политиком, чем Черчилль, а значит, было менее вероятно, что он затянет Британию в какую-то новую катастрофу. В Уайтхолле признавали, что Черчилль – блестящий оратор, но считали, что ему недостает рассудительности. Сам Галифакс называл его «бешеным слоном»²⁸. Однако Галифакс сомневался в собственной способности руководить страной во время войны, поэтому он вовсе не хотел занять премьерский пост. Его нежелание стало вполне очевидным, когда представитель премьера, направленный к нему с уговорами, обнаружил, что Галифакс ушел к дантисту²⁹.

Окончательное решение было за королем. Вначале он вызвал к себе Чемберлена. «Я принял его отставку, – записал монарх в дневнике, – и сообщил ему, как ужасно несправедливо с ним, на мой взгляд, обошлись, добавив, что я весьма сожалею об этом скандале»³⁰.

Затем они обсудили вопрос о преемнике. «Я, разумеется, предложил Галифакса», – писал король. Он считал, что кандидатура Галифакса «напрашивается».

Но тут Чемберлен удивил его. Он порекомендовал Черчилля.

Еще из королевского дневника: «Я послал за Уинстоном и попросил его сформировать правительство. Он согласился и заметил, что, как ему представлялось, я послал за ним по иной причине» – хотя Черчилль, по словам короля, все-таки заранее припас несколько кандидатур потенциальных министров своего кабинета³¹.

Автомобили с Черчиллем и Томпсоном вернулись к Адмиралтейскому дому – лондонской штаб-квартире военно-морского флота Великобритании и временной резиденции Черчилля. Эти двое вышли из машин. Как всегда, Томпсон держал одну руку в кармане пальто, чтобы в случае чего быстро выхватить пистолет. Часовые, вооруженные винтовками с прикнутыми штыками, несли службу рядом с расчетами пулеметчиков, располагавшимися со своими легкими пулеметами Льюиса за брустверами из мешков с песком. Рядом, на лужайке Сент-Джеймс-парка, сталагмитами вздымались длинные стволы зенитных орудий.

Черчилль повернулся к Томпсону:

– Вам известно, зачем я ездил в Букингемский дворец.

Томпсон не стал скрывать, что ему это действительно известно, и поздравил его. Впрочем, он добавил: жаль, что это назначение не произошло раньше и в более спокойное время, поскольку теперь вам предстоит колоссальная работа³².

– Один Господь знает, насколько огромная, – подтвердил Черчилль.

Они обменялись рукопожатием – мрачно, словно на похоронах.

– Надеюсь лишь, что еще не поздно, – заметил Черчилль. – Хотя, боюсь, мы все же опоздали. Но мы должны стараться изо всех сил, отдать делу все, что у нас есть. Все, что в нас осталось.

Это были вполне трезвые слова, хотя в глубине души Черчилль ощущал немалое воодушевление. Он всю жизнь готовился к этому моменту. И не важно, что момент настал в столь темные времена. Более того, это придавало его назначению особый вес.

---

²⁸ Andrew Roberts, *"Holy Fox,"* 209.

²⁹ Там же, с. 208.

³⁰ Wheeler-Bennett, *King George VI*, 443–444. Уилер-Беннетт чуть меняет королевскую формулировку: в оригинале – «с какой ужасной несправедливостью».

³¹ Там же, с. 444.

³² Thompson, *Assignment*, 164–165.

В меркнувшем свете дня детектив-инспектор Томпсон увидел, как по щекам Черчилля потекли слезы. Он и сам почувствовал, что вот-вот заплачет.

Поздно вечером, лежа в постели, Черчилль чувствовал, что у него прямо-таки дух захватывает при мысли о том, какие сложные задачи ему предстоит решать и какие возможности перед ним открываются. Впоследствии он писал: «На протяжении моей долголетней политической деятельности я занимал многие важные государственные посты, но я с готовностью признаю, что тот пост, который я принял сейчас, являлся для меня самым привлекательным». Он отметил, что жажда власти ради самой власти – «низменная страсть», однако добавил: «Но власть в момент национального кризиса, когда человек верит, что ему известно, какие надо отдавать приказы, такая власть является подлинным благом»³³.

Он ощущал громадное облегчение: «Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию. <...> С нетерпением ожидая утра, я тем не менее спал спокойным глубоким сном и не нуждался в ободряющих сновидениях. Действительность лучше сновидений»³⁴.

Несмотря на те сомнения, которые он высказал в разговоре с детективом-инспектором Томпсоном, Черчилль принес в дом 10 по Даунинг-стрит³⁵ искреннюю уверенность, что под его руководством Британия выиграет войну – хотя из любой объективной оценки положения следовало, что у него нет совершенно никаких шансов. Черчилль понимал, что теперь его задача состоит в том, чтобы передать свою уверенность в победе всем остальным: своим соотечественникам, своим военачальникам, своим министрам, а главное – американскому президенту Франклину Делано Рузвельту. С самого начала Черчилль понимал одну из основополагающих истин этой войны: ему не победить, если Соединенные Штаты рано или поздно не вступят в бой. Он полагал, что Британия, предоставленная самой себе, может стойко сдерживать натиск Германии, но лишь промышленная мощь и человеческие ресурсы Америки способны гарантировать окончательное уничтожение Гитлера и национал-социализма.

Еще больше осложняло задачу то, что Черчиллю следовало обеспечить активное участие США в войне как можно быстрее – пока Гитлер не переключил все внимание на Англию и не обрушился на нее всей мощью люфтваффе, которая, по мнению британской разведки, неизмеримо превосходила Королевские военно-воздушные силы.

Во время всех этих событий Черчиллю приходилось справляться и с иными трудностями – весьма разнообразными. В конце месяца ему предстояла выплата по колоссальному личному кредиту, но у него не было на это денег. Рандольф, его единственный сын, тоже по уши увяз в долгах, причем упорно демонстрировал умение не только транжирить деньги, но и проигрывать их (его бездарность по части азартных игр была почти легендарной); кроме того, он слишком много пил, а напившись, устраивал скандалы, так что Клементина постоянно опасалась, что однажды он нанесет репутации семьи непоправимый ущерб. Кроме того, Черчиллю приходилось иметь дело с правилами светомаскировки, строгим нормированием продуктов, а также все более активным вмешательством в его жизнь спецслужб, которые пытались защитить его от наемных убийц. А еще он вынужден был терпеть бесконечный стук молотков целой армии рабочих, направленных на Даунинг-стрит, 10 (и в прочие корпуса Уайтхолла) для возведения противовоздушных укреплений: этот стук бесил его больше всего остального.

Впрочем, был же еще свист.

Как-то раз он заметил, что ненависть к свисту – единственное, что роднит его с Гитлером. И это была не просто острая неприязнь. «Свист порождает в нем тревогу почти психопати-

---

³³ Winston Churchill, *Their Finest Hour*, 15.

³⁴ Pawle, *War and Colonel Warden*, 39.

³⁵ Там традиционно размещается резиденция британского премьер-министра. – *Прим. пер.*

ческого типа – мгновенную, мощную и малообъяснимую», – писал детектив-инспектор Томпсон³⁶. Однажды, направляясь пешком на Даунинг-стрит, Томпсон и новый премьер-министр встретили мальчишку-газетчика лет 13, двигавшегося им навстречу – «руки в карманах, под мышками пачки газет, громко и жизнерадостно насвистывавшего», вспоминал Томпсон.

По мере того как мальчик приближался, Черчилль закипал все больше. Наконец, побоксерски сгорбившись, он шагнул к газетчику.

– Прекрати свистеть, – прорычал он.

Мальчишку это ничуть не смутило.

– Почему это? – спросил он.

– Потому что мне это не нравится. И потому что это ужасный звук.

Газетчик как ни в чем не бывало двинулся дальше, а потом повернулся и крикнул:

– Вы ведь, если что, можете заткнуть уши, а?

После чего зашагал дальше.

На несколько мгновений Черчилль ошеломленно застыл. Его лицо залила краска гнева.

Однако Черчилля всегда отличало умение мысленно отстраниться от происходящего и не принимать событие на свой счет, так что раздражение у него могло тут же смениться весельем. Черчилль с Томпсоном пошли дальше, и Томпсон заметил, как его спутник начинает улыбаться. Премьер негромко повторил возражение мальчишки: «Вы ведь, если что, можете заткнуть уши, а?»

И громко расхохотался³⁷.

Черчилль мгновенно и энергично приступил к исполнению своих новых обязанностей. Многих это ободрило, но для других лишь стало подтверждением их самых серьезных опасений.

Глава 2

Ночь в «Савое»

Семнадцатилетняя Мэри Черчилль узнала страшные вести с континента, сразу как проснулась тем утром 10 мая. Подробности ужасали сами по себе, но контраст между тем, как Мэри провела эту ночь, и тем, что случилось по ту сторону Ла-Манша, делал их еще более ошеломляющими.

Мэри была младшей из четверых детей Черчилля. Пятый ребенок, обожаемая родными «Уткенция» Мэриголд, в августе 1921 года умерла от заражения крови (ей было всего два года девять месяцев). При ее кончине присутствовали и мать, и отец. Клементина, как позже рассказывал Мэри сам Черчилль, «пронзительно кричала – словно животное в агонии»³⁸.

Тридцатилетняя Диана, старшая сестра Мэри, была замужем за Дунканом Сэндсом, работавшим у Черчилля «специальным представителем» по связям со Службой оповещения о воздушных налетах (СОВН) – подразделением министерства внутренних дел, занимавшимся гражданской обороной³⁹. У них было трое детей. Средняя сестра, 25-летняя Сара, в детстве отличалась таким упрямством, что ее даже прозвали Мулом. Она стала актрисой и, к большому неудовольствию Черчилля, вышла замуж за австрийского актера и предпринимателя по имени Вик Оливер: он был на 16 лет старше и успел дважды развестись, прежде чем познакомился с ней. Детей у них не было. Третьему (по старшинству) отпрыску Черчилля, тому самому Ран-

---

³⁶ Thompson, *Assignment*, 183.

³⁷ Hickman, *Churchill's Bodyguard*, 116–117.

³⁸ Soames, *Clementine Churchill*, 264.

³⁹ Служба предупреждения о воздушных налетах (Air Raid Precautions, в русскоязычной литературе встречается также название Гражданская ПВО) – комплекс британских организаций, целью которого была защита гражданского населения от авианалетов. Сформирован в конце 1930-х. В 1941 году переименован в Службу гражданской обороны. – *Прим. пер.*

дольфу, вот-вот должно было исполниться 29. Год назад он женился на Памеле Дигби. Сейчас ей было 20, и она ждала первенца.

Мэри была хорошенькая, веселая, энергичная – по наблюдениям одного из современников, «очень жизнерадостная»⁴⁰. Она смотрела на мир с несокрушимым энтузиазмом юной овечки, выбежавшей на весенний лужок. Кэти Гарриман, молодая американка, некогда посетившая их дом, сочла ее простодушие каким-то слащавым. «Она очень умная девушка, – писала Гарриман, – но при этом так наивна, что за нее даже больно. Она произносит такие искренние вещи, и над ней за это насмехаются и издеваются, а поскольку она сверхчувствительна, то принимает все это близко к сердцу»⁴¹. Когда она родилась, Клементина прозвала ее Мэри-мышка⁴².

Пока Гитлер сеял смерть и потрясения среди бесчисленных миллионов жителей Нижних Земель, Мэри весело проводила время с друзьями. Вечер начался с обеда в честь ее близкой подруги Джуди – Джудит Венеции Монтегю, ее кузины, которой тоже было 17, дочери покойного Эдвина Сэмюэла Монтегю, бывшего британского министра по делам Индии, и его жены Венеции Стэнли. Их брак был овеян драматизмом и массой слухов: Венеция вышла замуж за Монтегю после трехлетнего романа с тогдашним премьер-министром Гербертом Генри Асквитом, который был на 35 лет старше ее. Существовала ли между Венецией и Асквитом физическая близость, навсегда осталось тайной для всех, кроме них самих. Но, если объем текста может служить мерилем страсти, следует заключить, что Асквит был безумно влюблен. За три года их отношений он написал Венеции не менее 560 писем, причем некоторые – прямо на заседаниях кабинета министров: эту слабость Черчилль окрестил «самой большой угрозой безопасности Англии»⁴³. Ее внезапная помолвка с Монтегю сокрушила Асквита. «Это хуже любого ада», – писал он⁴⁴.

Обед у Джуди Монтегю посетили и другие молодые мужчины и женщины, принадлежавшие к лондонскому высшему обществу (золотая молодежь). Эти отпрыски британских аристократических семейств частенько танцевали, ужинали и пили шампанское в популярных ночных клубах города. Война не положила конец этим увеселениям, хоть и внесла в них мрачную ноту. Многие из юношей вступили в армию (самой романтичной из всех, пожалуй, считалась служба в Королевских ВВС) или же поступили в военные училища вроде Сандхёрста или Пирбрайта. Одни успели повоевать в Норвегии, другие же и сейчас находились за границей – в составе частей Британских экспедиционных сил. Многие девушки из окружения Мэри вступили в Женскую добровольческую службу. Эта организация занималась самыми разнообразными вещами – помогала размещать эвакуированных, обслуживала центры отдыха для военных, обеспечивала нуждающихся продовольствием и даже готовила пряжу из собачьей шерсти для производства одежды. Другие молодые женщины поступили на курсы медсестер; некоторые получили не вполне понятные должности в министерстве иностранных дел, где, по выражению Мэри, они занимались «деятельностью, не подлежащей описанию». Но все это не мешало веселиться – и, несмотря на сгущавшийся мрак, Мэри и ее друзья танцевали. Мэри располагала пятью фунтами карманных денег: Черчилль выдавал ей такую сумму первого числа каждого месяца. «Лондонцы вели оживленную социальную жизнь, – позже писала Мэри в своих воспоминаниях. – Несмотря на светомаскировку, театры были полны, имелось множество ночных клубов, чтобы потанцевать там после закрытия ресторанов, и многие по-

---

⁴⁰ "World War II Diary," 342, Meiklejohn Papers.

⁴¹ Kathleen Harriman to Mary Harriman Fisk, July 7, 1941, Correspondence, W. Averell Harriman Papers.

⁴² Purnell, *Clementine*, 152.

⁴³ *Daily Mail*, Sept. 4, 2019.

⁴⁴ Там же. *Daily Mail* пишет «любого», однако в ряде других публикаций – «всякого».

прежнему устраивали званые обеды и ужины, только теперь поводом для них часто становился приезд сына из армии на побывку»⁴⁵.

Излюбленным местом досуга Мэри и ее друзей стал театр «Плейерс», расположенный неподалеку от района Ковент-Гарден. Здесь они, усевшись за столики, частенько смотрели, как группа актеров (в том числе Питер Устинов) исполняет старые шлягеры мюзик-холлов. Молодежь сидела тут до закрытия (то есть до двух часов ночи), а потом все пешком шли домой по затемненным для светомаскировки улицам. Она восхищалась таинственной красотой, возникавшей здесь в полнолуние: «Улицы, словно темные долины, были погружены в глубокий мрак, но вливались в безбрежную Трафальгарскую площадь, залитую светом, и на заднем плане, точно гравюра, прорисовывалась классическая симметрия церкви Святого Мартина в Полях, а колонна Нельсона вздымалась в ночные выси над стерегущими ее львами, такими грозными и черными: это зрелище я никогда не забуду»⁴⁶.

Среди мужчин, явившихся на обед в честь Джуди Монтегю, оказался молодой армейский майор Марк Говард, которого Мэри сочла привлекательным и обходительным – и которым она «немного увлеклась»⁴⁷. Говард погибнет в бою четыре года спустя. Он служил в Колдстримской гвардии – старейшем из непрерывно действующих подразделений регулярной армии Великобритании. Оно вело активные боевые действия, но в его обязанности входила и охрана Букингемского дворца.

После обеда Мэри, Марк и их друзья отправились потанцевать в прославленный отель «Савой», после чего переместились в ночной клуб «400», облюбованный богатой молодежью Лондона: его прозвали «ночной штаб-квартирой высшего общества». Клуб располагался в подвальных помещениях одного из зданий на Лестер-сквер. Он закрывался лишь на рассвете, так что посетители могли вволю предаться вальсам и фокстротам под звуки оркестра из 18 музыкантов. «Танцевала почти исключительно с Марком, – отмечает Мэри в дневнике. – Оч. мило! Домой и спать – в 4 утра»⁴⁸.

В это же утро (10 мая, в пятницу) она узнала о броске Гитлера на Нидерланды. В дневнике она записала: «Пока мы с Марком так весело и беззаботно танцевали сегодня утром – в холодные, серые рассветные часы Германия захватила еще две невинные страны – Голландию и Бельгию. Невообразимо зверское и бесстыдное вторжение»⁴⁹.

Она отправилась на Харли-стрит, в свою школу – Квинз-колледж⁵⁰, где она, как посещавшая лишь некоторые уроки ученица, изучала французский, английскую литературу и историю. «Над нами весь день тяготело облако неопределенности и сомнений, – писала она. – Что-то будет с пр-вом [правительством]?»⁵¹

Вскоре она получила ответ на свой вопрос. Днем она, как всегда по пятницам, поехала в Чартуэлл – родовое поместье Черчиллей, расположенное примерно в 25 милях к юго-востоку от Лондона. Мэри выросла там, попутно разведя целый зверинец: кое-каких питомцев она даже пыталась продать через специально созданную ею фирму, которую назвала «Веселый зоопарк»⁵². С началом войны дом закрыли (за исключением кабинета Черчилля), но небольшой флигель на территории поместья оставался открытым. В нем теперь жила любимица Мэри – ее

---

⁴⁵ Soames, *Daughter's Tale*, 143.

⁴⁶ Там же, 145–146.

⁴⁷ Там же, 153. Десятилетия спустя в родовом имении майора Говарда, йоркширском замке Говард, будут проходить съемки телеэкранизации «Возвращения в Брайдсхед» Ивлиана Во (этот сериал станет очень популярным).

⁴⁸ *Diary*, May 9, 1940, *Mary Churchill Papers*.

⁴⁹ Там же, May 10, 1940.

⁵⁰ Квинз-колледж – независимая школа для девочек. – *Прим. пер.*

⁵¹ Там же.

⁵² Soames, *Daughter's Tale*, 111–112.

бывшая няня Мэриотт Уайт (двоюродная сестра Клементины), которую в семье звали Крохой или Нянюшкой.

Вечер стоял по-летнему теплый. Мэри сидела на ступеньках домика в синеватой полутьме («на вечерней заре», как она именовала это время) и слушала радио, звуки которого доносились из дома. Примерно в девять часов, перед очередным выпуском новостей ВВС, в эфире прозвучала краткая речь Чемберлена, в которой он сообщал, что уходит в отставку и что премьер-министром теперь становится Черчилль.

Мэри пришла в восторг. В отличие от многих других слушателей.

По меньшей мере у одного человека из круга Мэри, также присутствовавшего в ту ночь в «Савое» и в клубе «400», это назначение вызывало беспокойство – и по поводу судьбы страны и хода войны, и по поводу его собственной судьбы.

До утра 11 мая (это была суббота) Джон Колвилл по прозвищу Джок работал помощником личного секретаря Невилла Чемберлена, теперь же он обнаружил, что ему придется выполнять ту же роль при Черчилле. Специфика работы подразумевала, что ему придется практически жить вместе с этим человеком на Даунинг-стрит, 10. Мэри относилась к Джокку неоднозначно, почти настороженно: «Я подозревала в нем "чемберлениста" и "мюнхенца"⁵³ – и оказалась права в обоих отношениях!»⁵⁴ Он, со своей стороны, тоже был от нее не в восторге: «Я решил, что дочка Черчилля несколько высокомерна»⁵⁵.

Работа личного секретаря премьер-министра считалась престижной. Колвилл присоединился к четверым новоназначенным коллегам. Вместе они составляли «личный кабинет» Черчилля и, по сути, выполняли роль его заместителей, в то время как группа других секретарей и машинисток стенографировала его диктовку и занималась рутинным делопроизводством. Происхождение Колвилла словно предопределяло его назначение в аппарат премьера. Его отец, Джордж Чарльз Колвилл, был адвокатом, а мать, леди Синтия Кру-Милнс, – фрейлиной Марии, королевы-матери (ее должность официально называлась «дама королевской опочивальни»). Кроме того, она выполняла функции социального работника, опекающего (вместе с коллегами) бедноту Восточного Лондона, и время от времени она брала с собой Колвилла, чтобы тот своими глазами увидел изнанку английской жизни. В 12-летнем возрасте Колвилл стал почетным пажом при короле Георге V: эта церемониальная должность предписывала ему трижды в год являться в Букингемский дворец, облачившись в бриджи до колен, кружевные манжеты, плащ темно-синего («королевского») цвета и треуголку с красными перьями.

На тот момент Колвиллу было всего 25, но мрачная строгость официального облачения, которое ему приходилось носить, а также темные брови и бесстрастное лицо старили его. Они придавали Джокку вид сурового зануды, хотя на самом деле (как выяснилось позже из его тайного дневника, где он вел записи о своей жизни на Даунинг-стрит) он имел острый, все подмечающий глаз, обладал хорошим слогом и глубоко ценил красоту окружающего мира. У него было два старших брата: Дэвид (самый старший) служил в военно-морском флоте, а Филипп, армейский майор, состоял в Британских экспедиционных силах, действовавших сейчас во Франции. Его судьба сильно тревожила Джока.

Колвилл обучался в «правильных» заведениях⁵⁶, что считалось весьма важным среди представителей верхних эшелонов британской власти, где место обучения служило своеобразным знаком отличия и символом принадлежности к той или иной привилегированной группе. Он окончил среднюю школу Харроу⁵⁷, где был капитаном фехтовальной команды, а затем

---

⁵³ «Мюнхенец» – сторонник Мюнхенского соглашения. – *Прим. пер.*

⁵⁴ Там же, с. 153.

⁵⁵ Colville, *Fringes of Power*, 1:140.

⁵⁶ Подробнее о детстве и юности Колвилла см. в его книге «Следы во времени» (*Footprints in Time*).

⁵⁷ Харроу – одна из старейших и известнейших британских школ для мальчиков в Лондоне. – *Прим. ред.*

поступил в кембриджский Тринити-колледж. Школа Харроу оказывала мощнейшее влияние на судьбу молодых британцев из высшего общества. В число «старых харровитов» на тот момент входили семь премьер-министров, в том числе и сам Черчилль – который, впрочем, в школе не блистал особыми талантами: один из учителей позже отмечал, что он проявлял «феноменальную лень». (В числе более современных харровитов – актеры Бенедикт Камбербэтч и Кэри Элвес (известный многим по роли в фильме «Принцесса-невеста»⁵⁸), а также орнитолог Джеймс Бонд⁵⁹.) Колвилл изучал немецкий и, более того, имел возможность отточить знание языка во время двух посещений Германии: в 1933 году (вскоре после того, как Гитлер стал рейхсканцлером) и в 1937 году (когда Гитлер уже почти взял страну под полный контроль). Поначалу Колвилл считал энтузиазм населения страны заразительным, но со временем ситуация вызывала у него все большую озабоченность. Он стал свидетелем сожжения книг в Баден-Бадене, а позже посетил одно из выступлений Гитлера. «Никогда прежде и никогда после я не видел такого всеобщего проявления массовой истерии», – писал он. В том же году он стал работать в дипломатическом управлении министерства иностранных дел: именно это управление снабжало Даунинг-стрит личными секретарями. Два года спустя Джок уже работал у Чемберлена, который к тому времени втянулся в конфликт вокруг Мюнхенского соглашения. Черчилль, один из главных критиков Чемберлена, назвал этот договор «полным и несомненным поражением».

Колвилл относился к Чемберлену с симпатией и уважением. Приход Черчилля к власти вызывал у него опасения. Джок видел впереди лишь хаос. Подобно многим другим служащим Уайтхолла, он считал Черчилля человеком капризным, норовящим всюду сунуть свой нос, склонным к бурной деятельности по всем направлениям одновременно. Но общественность его обожала. В своем дневнике Колвилл винил в этом всплеске черчиллевской популярности не кого-нибудь, а Гитлера: «Одним из самых умных ходов Гитлера стало то, что он объявил Уинстона Врагом Государства Номер Один, поскольку сам этот факт помог ему [Черчиллю] стать Героем Номер Один – как на родине, так и в США»⁶⁰.

У Колвилла возникло ощущение, что над Уайтхоллом сгустилось облако смятения и тревоги – по мере того как все начали осознавать возможные последствия назначения Черчилля премьером. «Разумеется, он и вправду может оказаться энергичным и целеустремленным человеком, каким его видит страна. Не исключено, что он сумеет подстегнуть порядком обветшавший механизм нашей армии и промышленности, – писал Колвилл. – Но это чудовищный риск, сопряженный с опасностью поспешных и необдуманных поступков, и я невольно опасаясь, что нашу страну, возможно, поставили в невиданно опасное положение»⁶¹.

Колвилл тайне желал, чтобы Черчилль не задержался на новом посту. «Похоже, некоторые склонны полагать, что Н.Ч. [Невилл Чемберлен] скоро вернется», – доверительно сообщал он дневнику⁶².

Ясно было одно: работа с Черчиллем будет предоставлять весьма обширный материал для дневника Джока. Колвилл начал вести его восемь месяцами раньше – сразу же после того, как разразилась война. Ему далеко не сразу пришло в голову, что это, скорее всего, является серьезным нарушением законов о государственной безопасности. Другой личный секретарь

⁵⁸ «Принцесса-невеста» (1987) – приключенческая романтическая комедия американского режиссера Роба Райнера. – *Прим. пер.*

⁵⁹ Джеймс Бонд – американский орнитолог, имя которого было использовано писателем Яном Флемингом для его вымышленного персонажа британского шпиона. – *Прим. ред.*

⁶⁰ Colville, *Fringes of Power*, 1:129.

⁶¹ Там же, 141.

⁶² Manuscript Diary, May 11, 1940, Colville Papers. Исходная дневниковая запись Колвилла сильно отличается от той, что опубликована им во *Fringes of Power*, 1:143–144. Так, эта фраза исключена из печатной версии.

позже отмечал: «Меня просто поражает тот риск в плане безопасности, на который шел Джок. Если бы его на этом поймали, он был бы тут же уволен»⁶³.

Скепсис, охвативший Колвилла сразу же после назначения Черчилля, разделяли многие в Уайтхолле. Сам король Георг VI поведал в дневнике: «До сих пор не могу представить себе Уинстона премьером»⁶⁴. Как раз в это время монарх случайно встретился с лордом Галифаксом на территории, прилегающей к Букингемскому дворцу: Галифакс имел специальное королевское разрешение на то, чтобы проходить здесь по пути из своего дома (располагавшегося на Юстон-сквер) к зданию министерства иностранных дел. «Я встретил Галифакса в саду, – писал король, – и сказал ему: я очень сожалею, что не вы стали премьер-министром».

Галифакса не отправили на покой – его вновь назначили на пост министра иностранных дел, который он занимал когда-то. Тем не менее он скептически относился и к самому Черчиллю, и к той бешеной энергии, которую тот, как многие полагали, принесет с собой на Даунинг-стрит, 10. Уже 11 мая, в субботу, на следующий день после назначения Черчилля, Галифакс написал сыну: «Надеюсь, Уинстон не втравит нас в какую-нибудь авантюру»⁶⁵.

Кроме того, Галифакс (который прозвал Черчилля Пухом – отсылка к знаменитому мильновскому персонажу, плюшевому медведю Винни-Пуху⁶⁶) ворчал, что министрам, которых Черчилль набрал в новый кабинет, недостает интеллектуального веса. Галифакс сравнивал их с гангстерами, а главным гангстером считал Черчилля. «Мне редко доводилось встречать кого-либо с более странными пробелами в познаниях, кого-либо, чей ум действовал бы настолько хаотично, – записал Галифакс в дневнике в ту же субботу. – Удастся ли заставить этот ум работать упорядоченным образом? От этого зависит очень многое»⁶⁷.

Назначение Черчилля привело в ярость жену одного из парламентариев, сравнившую нового премьера с Германом Герингом – тучным и жестоким командующим люфтваффе, вторым человеком в Третьем рейхе. «У.Ч. – прямо-таки английское подобие Геринга, – писала она. – Так же жаждет крови, "блицкрига", так же раздут от самолюбия и переедания, и в крови у него такое же вероломство, смешанное с высокопарностью и бахвальством»⁶⁸.

Однако некоторые придерживались иного мнения. В их числе – Нелла Ласт, ставшая одним из сотен добровольцев, которые приняли участие в работе организации под названием «Массовое наблюдение». Эту организацию создали в Британии за два года до начала войны. Добровольцев просили ежедневно делать записи в дневнике (который потом передавался «Массовому наблюдению»): это должно было помочь социологам лучше понять повседневную жизнь британцев. Авторов дневников призывали оттачивать наблюдательность, описывая все, что находится у них на каминной полке, а также на каминных полках друзей. Многие из этих добровольных помощников социологов, в том числе и Ласт, вели дневники на протяжении всей войны. «Если бы мне пришлось провести всю жизнь с одним мужчиной, – писала она, – я бы выбрала Чемберлена. Но, думаю, если бы я потерпела кораблекрушение в бурю, то предпочла бы мистера Черчилля»⁶⁹.

Общественность и сторонники Черчилля горячо приветствовали его назначение. Поздравительные письма и телеграммы хлынули в Адмиралтейство мощным потоком. Два из этих посланий явно пощекотали самолюбие Черчилля: их написали женщины, с которыми он долгое время был дружен и которые, возможно, когда-то даже питали романтические надежды на

---

⁶³ Dockter and Toye, "Who Commanded History?" 416.

⁶⁴ Wheeler-Bennett, *King George VI*, 446.

⁶⁵ Lukacs, *Five Days in London*, 67.

⁶⁶ Winnie (Винни, Уинни) – уменьшительное от Уинстон. – *Прим. пер.*

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Olson, *Troublesome Young Men*, 328.

⁶⁹ Lukacs, *Five Days in London*, 81.

его счет. Клементина во всяком случае что-то подозревала, и, по некоторым свидетельствам, она опасалась обеих женщин.

«Мое желание исполнилось, – писала ему Вайолет Бонем Картер, дочь Герберта Асквита, бывшего премьер-министра, умершего в 1928 году. – Теперь я могу с верой и твердостью встретить все, что нам предстоит». Она хорошо знала Черчилля и не сомневалась, что его энергия и напор коренным образом преобразят кабинет министров. «Как и вы, я знаю, что ветер был посеян и что, следовательно, все мы должны позвать бурю, – писала она. – Но вы оседлаете ее, не позволив, чтобы она сама влекла вас за собой. Слава Небесам, что вы на этом месте, что вы управляете нашей судьбой. Быть может, дух народа воспламенится от вашего собственного»⁷⁰.

Второе письмо было от Венеции Стэнли, у которой был эпистолярный роман с Асквитом. «Мой дорогой, – писала она Черчиллю, – я хочу добавить свой голос к тем радостным хвалам, которые разнеслись по всему цивилизованному миру, когда вы стали премьером. Слава Богу – наконец-то». Она сообщила ему: ее радует сам факт, что ему «дали возможность спасти нас всех».

В постскриптуме она добавляла: «Кроме того, приятно, что Дом № 10 снова занял человек любящий»⁷¹.

Глава 3

Лондон и Вашингтон

Америка занимала немалое место в размышлениях Черчилля о войне и о ее конечных результатах. Казалось, Гитлер готов сокрушить Европу. Считалось, что люфтваффе значительно превосходит британские Королевские ВВС по числу и мощи, а немецкие подводные лодки и рейдеры способны создать серьезнейшие препятствия поставкам продовольствия, вооружения и сырья, жизненно необходимым для островного государства. Предыдущая война показала, какой могучей военной силой способны стать Соединенные Штаты, если их побудить к действию; теперь же, похоже, лишь у США осталась возможность уравнивать шансы сторон.

Важная роль, которую Америка играла в стратегических раздумьях Черчилля, стала очевидной для его сына Рандольфа, когда тот как-то утром, вскоре после черчиллевского назначения, вошел в отцовскую спальню, располагавшуюся тогда в Адмиралтейском доме. Отец брился, перед ним стояли зеркало и тазик. Рандольф прибыл в увольнение: сейчас он являлся одним из офицеров 4-го ее королевского величества гусарского полка (где некогда служил и сам Черчилль).

– Садись, мой мальчик, и почитай газеты, пока я побреюсь, – сказал ему Черчилль.

Вскоре он полуобернулся к сыну и произнес:

– Думаю, теперь я вижу верный путь.

И снова повернулся к зеркалу.

Рандольф понимал, что отец говорит о войне. Позже он вспоминал, что это замечание поразило его: сам он полагал, что у Британии мало шансов на победу.

– Ты хочешь сказать – мы можем избежать поражения? – уточнил Рандольф. – Или даже разгромить этих гадов?

В ответ Черчилль бросил бритву в тазик и резко развернулся к сыну.

– Конечно, я имею в виду, что мы можем их разгромить, – отчеканил он.

– Ну, я только за, – отозвался Рандольф, – но я не понимаю, как ты это сможешь сделать.

Черчилль вытер лицо и ответил:

---

⁷⁰ Gilbert, *War Papers*, 2:2–3.

⁷¹ Там же.

– Я вовлеку в это Соединенные Штаты⁷².

Американское общество совершенно не хотело, чтобы его во что-нибудь вовлекали – тем более в европейскую войну. В начале боевых действий общественное мнение было настроено иначе: согласно опросам Института Гэллапа, 42 % американцев полагали, что, если в ближайшие месяцы поражение Франции и Британии покажется неминуемым, Соединенным Штатам следует объявить войну Германии и послать свои войска в Европу; 48 % опрошенных ответили «нет». Но вторжение Гитлера в Нижние Земли привело к резкому изменению настроений американского общества. В мае 1940 года 93 % опрошенных Институтом Гэллапа были против объявления войны – то есть придерживались позиций так называемого изоляционизма. Конгресс США уже воплотил это неприятие в целую серию «Законов о нейтралитете», которые начали принимать с 1935 года. Они жестко регламентировали экспорт вооружений и боеприпасов – в частности, запрещая их доставку на американских кораблях любой стране, находящейся в состоянии войны. Вообще-то американцы симпатизировали Англии, но сейчас возникли сомнения в стабильности Британской империи, сменившей правительство в тот самый день, когда Гитлер вторгся в Голландию, Бельгию и Люксембург.

Утром 11 мая, в субботу, президент Рузвельт собрал в Белом доме совещание кабинета министров, на котором обсуждалось и назначение нового английского премьера. Главный вопрос сводился к тому, сможет ли этот премьер одержать победу в разрастающейся войне. Рузвельт прежде несколько раз обменивался официальными посланиями с Черчиллем (когда тот был Первым лордом Адмиралтейства), но держал их в секрете, чтобы не вызывать возмущения у американской общественности. Общая атмосфера совещания была скептической.

В совещании участвовал Гарольд Икес, министр внутренних дел, влиятельный советник президента, сыгравший важную роль в осуществлении рузвельтовского комплекса программ социальных инициатив и финансовых реформ (так называемого «Нового курса»). «Судя по всему, – заметил Икес, – Черчилль становится весьма безответственным под влиянием алкоголя». Кроме того, Икес пренебрежительно заявил, что Черчилль «слишком стар»⁷³. Фрэнсис Перкинс, министр труда, вспоминала, что во время этой встречи Рузвельт, казалось, «испытывал неуверенность» по поводу Черчилля.

Впрочем, сомнения насчет нового премьер-министра (в особенности касательно его пристрастия к выпивке) появились задолго до этого совещания. В феврале 1940 года Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря США, предпринял международную поездку (под названием «Миссия Уэллеса»), в ходе которой встретился с политическими лидерами в Берлине, Лондоне, Риме и Париже с целью прозондировать политическую обстановку в Европе. В частности, он посетил Черчилля, занимавшего тогда пост Первого лорда Адмиралтейства. Уэллес писал об этой встрече в своем отчете: «Когда меня ввели в его кабинет, мистер Черчилль сидел перед камином, куря 24-дюймовую сигару и попивая виски с содовой. Судя по всему, до моего прибытия он употребил уже немало порций этого напитка»⁷⁴.

Но главным источником скептицизма по поводу Черчилля стал Джозеф Кеннеди, американский посол в Великобритании, который испытывал неприязнь к премьер-министру и неоднократно отправлял на родину пессимистические доклады о перспективах Британии, а также о характере Черчилля. Однажды Кеннеди пересказал Рузвельту замечание Чемберлена: мол, Черчилль «весьма увлекается алкоголем, и его суждения всегда оказываются ошибочными»⁷⁵.

---

⁷² Gilbert, *War Papers*, 2:70–71.

⁷³ Lukacs, *Five Days in London*, 72n.

⁷⁴ Sumner Welles, Memorandum, March 12, 1940, FDR/Safe. Уэллес явно преувеличивает, называя сигару 24-дюймовой (24 дюйма – около 61 см. – *Прим. пер.*). Во всяком случае на это как-то надеешься.

⁷⁵ Maier, *When Lions Roar*, 213. На самом деле Чемберлен высказался несколько иначе: «И его суждения никогда не оказываются верными».

А посла, в свою очередь, недолюбливали в Лондоне. Так, жена лорда Галифакса, министра иностранных дел в черчиллевском кабинете, не выносила Кеннеди из-за того, что он так низко оценивал шансы Британии на выживание и к тому же предсказывал, что немецкие войска быстро расправятся с Королевскими ВВС.

Она писала: «Я с удовольствием убила бы его»⁷⁶.

Глава 4

Наэлектризованные

За эти первые 24 часа в новой должности Черчилль явил себя премьер-министром совершенно необычного типа. Чемберлен (Старый Зонтик, он же Коронер) был степенным и осмотрительным, а новый премьер, в полном соответствии со своей репутацией, оказался экспансивным, энергичным и совершенно непредсказуемым. Едва ли не первым делом в качестве премьера Черчилль назначил сам себя министром обороны, что заставило одного из уходящих чиновников записать в дневнике: «Спаси нас Бог»⁷⁷. Это был новый пост, заняв который Черчилль мог контролировать работу начальников штабов, которые, в свою очередь, управляли армией, флотом и военно-воздушными силами. Теперь он взял под контроль все военные действия Великобритании – и взял на себя всю ответственность за них.

Он с сумасшедшей скоростью создавал кабинет, уже к полудню следующего дня произведя назначения на семь ключевых постов. Он оставил лорда Галифакса министром иностранных дел, а кроме того, в знак щедрости и лояльности включил в состав правительства и Чемберлена, сделав его лордом-председателем Совета (посредником между правительством и королем: этот пост не предполагал особой нагрузки и, по сути, являлся синекурой). Вместо того чтобы сразу же выселить Чемберлена из резиденции премьер-министра в доме 10 по Даунинг-стрит, Черчилль решил пока продолжать жить в Адмиралтейском доме, чтобы дать Чемберлену время с достоинством уйти. Он предложил Чемберлену поселиться рядом – в таунхаусе по адресу Даунинг-стрит, 11, где тот проживал в 1930-х годах, когда занимал пост канцлера казначейства⁷⁸.

По всему Уайтхоллу словно пронесся мощный электрический разряд. Притихшие коридоры пробудились. «Казалось, правительственная машина в одночасье получила пару новых передач, обретя способность ездить гораздо быстрее, чем казалось возможным когда-либо прежде», – писал Эдуард Бриджес, секретарь военного кабинета⁷⁹. Эта новая энергия, незнакомая и тревожащая, пронизывала теперь все уровни бюрократии, от последнего секретаря до самого важного министра. Дом 10 по Даунинг-стрит словно бы подвергся воздействию какого-то гальванического эффекта. По словам Джона Колвилла, при Чемберлене даже приближение войны не изменило темп работы правительства. Но Черчилль был как динамо-машина. К немалому изумлению Колвилла, «теперь почтенных чиновников нередко можно было увидеть бегущими по коридорам»⁸⁰. Нагрузка самого Колвилла и его товарищей по личному секретариату Черчилля возросла до невообразимых прежде уровней. Черчилль выпускал директивы и распоряжения в виде коротких текстов, которые называли «служебными записками»: он диктовал их машинистке (какая-то из них всегда находилась рядом) с момента своего пробуждения и до отхода ко сну. Он приходил в ярость от орфографических ошибок и бессмысленных фраз в этих записях: он считал, что их причина – невнимательность машинисток, хотя на самом

---

⁷⁶ Andrew Roberts, "Holy Fox," 268.

⁷⁷ Gilbert, *War Papers*, 2:13.

⁷⁸ Секретарь военного кабинета – министр финансов. – *Прим. пер.*

⁷⁹ Wheeler-Bennett, *Action This Day*, 220.

⁸⁰ Там же, 50.

деле под его диктовку печатать было непросто (в частности, из-за того, что он слегка шепелявил). Записывая одну его 27-страничную речь, машинистка Элизабет Лейтон, пришедшая на Даунинг-стрит в 1941 году, навлекла на себя его гнев, допустив одну-единственную ошибку – напечатав «министр авиации» вместо «министерство авиации» и тем самым случайно породив яркий визуальный образ: «Министр авиации – в состоянии хаоса, сверху донизу»⁸¹. По словам Лейтон, речь Черчилля порой не так-то просто было разобрать, особенно по утрам, когда он диктовал с постели. На ясности его речи сказывались и другие факторы. «Он вечно держит во рту сигару, – отмечала она, – к тому же во время диктовки он обычно расхаживает по комнате взад-вперед: то он за твоим стулом, то у дальней стены»⁸².

Он обращал внимание на мельчайшие детали – даже на формулировки и грамматику в докладах министров. Аэродром им предписывалось именовать *airfield*, а не его синонимом *aerodrome*. Самолет следовало называть не *aeroplane*, а *aircraft*. Особенно Черчилль настаивал на том, чтобы министры составляли свои записки как можно лаконичнее: длина каждой не должна была превышать страницы. «Если вы не излагаете свои мысли сжато – значит, вы лентяй», – отмечал он⁸³.

Такие высокие требования к служебной коммуникации (в особенности к ее точности) заставляли сотрудников на всех уровнях правительственной бюрократии испытывать новое чувство ответственности за происходящие события, разгоняя затхлость рутинной министерской работы. Черчилль каждый день выпускал десятки распоряжений. Они всегда отличались лаконичностью и всегда были написаны предельно ясным и точным языком. Нередко он требовал ответа по какой-нибудь сложной теме еще до конца дня. «Все, что не касалось насущно необходимых дел, не имело для него никакой ценности, – писал генерал Алан Брук, которого секретари, работавшие в доме 10 по Даунинг-стрит, прозвали Бруки. – Когда он хотел, чтобы что-то сделали, все прочее следовало немедленно бросить»⁸⁴.

По наблюдениям Брука, эффект был такой, «словно луч прожектора неустанно шарит по всем закоулкам администрации, так что даже самые мелкие клерки чувствовали, что однажды могут оказаться под этим лучом, который осветит все, чем они занимаются»⁸⁵.

В ожидании переселения Чемберлена из дома 10 по Даунинг-стрит Черчилль устроил себе офис на первом этаже Адмиралтейского дома, где он планировал работать по ночам. Машинистка и личный секретарь базировались в столовой и каждый день неоднократно преодолевали коридор, уставленный мебелью с дельфиньими мотивами (спинки и ручки кресел были украшены узорами в виде водорослей и гибких морских животных). Кабинет Черчилля находился в одной из внутренних комнат. На рабочем столе он держал всевозможные пилюли, порошки, зубочистки, нарукавники, а также разнообразные золотые медали, которые он использовал в качестве пресс-папье. Рядом на столике размещались бутылки виски. Днем же Черчилль занимал свой кабинет на Даунинг-стрит.

Впрочем, Черчилль весьма широко понимал слово «кабинет». Зачастую генералам, министрам и сотрудникам его администрации приходилось встречаться с ним, когда он пребывал в ванне: это было одно из его излюбленных мест работы. Ему нравилось работать и в постели: каждое утро он часами просматривал депеши и доклады, не вылезая из кровати, а машинистка сидела поблизости. Рядом всегда стоял Ящик – черный чемоданчик с рапортами, письмами и докладными записками других чиновников, требовавших его рассмотрения: лич-

⁸¹ Nel, *Mr. Churchill's Secretary*, 37.

⁸² Там же, 29.

⁸³ Ismay, *Memoirs*, 169. По словам Исмея, Черчилль обращал особое внимание на выбор кодовых названий для операций: не следовало выбирать шуточные, несерьезные или легкомысленные названия. «Что почувствует мать, если узнает, что ее сына убили во время боевой вылазки под названием "ОБЪЯТИЯ КРОЛИКА?"» – писал Исмей (там же, 187).

⁸⁴ Wheeler-Bennett, *Action This Day*, 24–25.

⁸⁵ Там же, 22.

ные секретари ежедневно клали туда новые документы взамен тех, с которыми он уже разобрался.

Почти каждое утро в спальню Черчилля являлся особенный посетитель – генерал-майор Гастингс Исмей, недавно назначенный начальником Центрального штаба⁸⁶. Окружающие любовно называли его Мопсом – уж больно тот походил на собаку этой породы. Исмей служил посредником между Черчиллем и командующими тремя видами войск, помогая им понять друг друга. Исмей проделывал это с немалым тактом и дипломатичностью. Он тут же стал одной из главных фигур «Тайного круга» Черчилля (как называл это сам премьер). Исмей приходил в спальню Черчилля, чтобы обсудить вопросы, которые могут всплыть позже – на утренней встрече начальников штабов. В другое время он просто сидел рядом с Черчиллем – на всякий случай, – создавая своим присутствием теплый, умиротворяющий эффект. Мопс был любимцем машинисток и личных секретарей. «Его глаза, сморщенный нос, рот, сама форма его лица имели совершенно очаровательное сходство с собачьими, – писал Джон Колвилл. – Улыбка прямо-таки озаряла его лицо: казалось, он машет при этом невидимым хвостом, который так легко вообразить»⁸⁷.

Исмей поражался тому, насколько, оказывается, обществу был нужен этот новый премьер-министр. Идя с ним пешком от Даунинг-стрит, 10 к Адмиралтейскому дому, Исмей дивился энтузиазму, с которым Черчилля приветствовали прохожие обоего пола. Группа людей поджидала нового премьера у служебного входа в дом номер 10, чтобы поздравить его с назначением. Слышались ободряющие возгласы: «Удачи, Уинни! Да благословит вас Бог!»

Его спутник заметил, что Черчилля это глубоко тронуло. Входя в здание, он даже всплакнул (Черчилль вообще никогда не боялся открыто проявлять эмоции).

– Бедняги, бедняги, – проговорил он. – Так мне доверяют, а я ведь еще долго не принесу им ничего, кроме горя и бед⁸⁸.

Больше всего ему хотелось мобилизовать и воодушевить страну, и он ясно показал это с самого начала. Он требовал активности по всем направлениям – от чиновничьих кабинетов до поля боя. Он жаждал, чтобы Британия перешла в наступление, сделала хоть что-то, чтобы перенести войну прямо к «этому плохому человеку» (как он предпочитал именовать Адольфа Гитлера)⁸⁹. Черчилль нередко повторял: он хочет, чтобы немцы «истекали кровью и горели»⁹⁰.

Не прошло и двух дней после его назначения, как 37 бомбардировщиков Королевских ВВС атаковали немецкий город Мюнхен-Гладбах, расположенный в промышленном районе Рур. В результате налета погибли четыре человека (как ни странно, в числе жертв оказалась одна англичанка)⁹¹. Но целью операции являлось не просто нанесение ущерба противнику. Этот рейд, как и те, что вскоре за ним последовали, призван был продемонстрировать британскому обществу, Гитлеру, а особенно – Соединенным Штатам, что Британия намерена драться. То же самое послание Черчилль стремился донести в понедельник, 13 мая, впервые выступив перед палатой общин в качестве премьера. Он говорил уверенно, он клялся добиться победы, но при этом в нем чувствовался реалист, понимающий текущее, отчаянное положение Британии. Особенно ярким моментом речи стала фраза: «Мне нечего вам предложить, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота»⁹².

---

⁸⁶ В отечественных источниках встречается и другое название этой должности Исмея – заместитель по военным вопросам секретаря военного кабинета. – *Прим. пер.*

⁸⁷ Colville, *Winston Churchill and His Inner Circle*, 161.

⁸⁸ Ismay, *Memoirs*, 116.

⁸⁹ Сила этого определения (*that bad man*) – в его простоте. Прекрасно владевший слогом Черчилль мог использовать гораздо более эмоционально «нагруженный» эпитет, но предпочел три простых односложных слова. – *Прим. ред.*

⁹⁰ Wheeler-Bennett, *Action This Day*, 198.

⁹¹ Overy, *Bombing War*, 239.

⁹² Gilbert, *War Papers*, 2:22.

Хотя впоследствии эти слова займут место в пантеоне перлов ораторского искусства (через несколько лет после этого выступления они даже удостоятся похвалы Йозефа Геббельса, главного гитлеровского пропагандиста), в тот момент эта речь казалась вполне рядовой, а ее аудитория, отошедшая от недавнего воодушевления, была настроена к Черчиллю весьма скептически. Джон Колвилл (который, несмотря на назначение в штат к Черчиллю, сохранил верность Чемберлену) пренебрежительно назвал эту речь «довольно блестящим выступлением»⁹³. По такому случаю Колвилл решил облачиться в «новый ярко-голубой костюм от Fifty-Shilling Tailors (эта большая сеть магазинов торговала недорогой мужской одеждой), «дешевый и броский: я считал, что это вполне уместно для появления среди нашего нового правительства».

К этому времени немецкие войска, атаковавшие Нижние Земли, безжалостно сжимали хватку. 14 мая крупная группировка бомбардировщиков люфтваффе нанесла удар по Роттердаму с высоты 2000 футов. Казалось, они бомбят всё без разбора. Погибло более 8000 мирных жителей. Заодно Англии недвусмысленно намекнули, что ее ждет та же участь. Но Черчилля и его военачальников больше всего встревожила ошеломляющая мощь немецких танковых частей, которые при поддержке «воздушной артиллерии» громили силы союзников в Бельгии и во Франции, что сильно ослабляло сопротивление французов и ставило части Британских экспедиционных сил (БЭС) в очень уязвимое положение. 14 мая, во вторник, французский премьер-министр Поль Рейно позвонил Черчиллю, умоляя направить во Францию 10 эскадрилий истребителей Королевских ВВС в придачу к тем четырём, которые уже были обещаны, – «если можно, сегодня»⁹⁴.

Германия уже заявляла о своем триумфе. Уильям Ширер, американский корреспондент, находившийся в Берлине, слышал во вторник, как немецкие ведущие новостей снова и снова провозглашали победу, прерывая обычные передачи для того, чтобы похвалиться очередным продвижением вперед. Вначале звучали фанфары, затем – сообщение о новых успехах на фронте, а потом (как пишет Ширер в дневнике) хор исполнял «свежий шлягер – песню "Мы идем на Англию"»⁹⁵.

На следующее утро, в среду, 15 мая, Рейно снова позвонил Черчиллю – в половине восьмого. Черчилль еще лежал в постели и поднял трубку телефона, стоящего на прикроватном столике. Сквозь шорох помех до него донесся далекий голос Рейно, произнесшего по-английски: «Мы потерпели поражение»⁹⁶.

Черчилль ничего не ответил.

– Нас разбили, – еще раз сообщил Рейно. – Мы проиграли сражение.

– Но ведь это не могло случиться так скоро? – отозвался Черчилль.

Рейно рассказал, что немцы прорвали французскую линию обороны в коммуне Седан, в Арденнских горах, рядом с французско-бельгийской границей, и что в этот прорыв устремились танки и бронемшины. Черчилль пытался успокоить французского коллегу, подчеркивая, что, как учит опыт военных действий, всякое наступление со временем теряет первоначальный импульс.

– Мы разбиты; мы проиграли сражение, – настаивал Рейно.

Это казалось невозможным, невероятным. Французская армия была многочисленной и хорошо обученной, а укрепленная линия Мажино считалась совершенно неприступной. В британских стратегических планах Франции отводилась роль партнера: без нее у БЭС не было никаких шансов победить.

---

⁹³ Colville, *Fringes of Power*, 1:150.

⁹⁴ Gilbert, *War Papers*, 2:30–31.

⁹⁵ Shirer, *Berlin Diary*, 274.

⁹⁶ Winston Churchill, *Their Finest Hour*, 42.

Черчилль понял: пришло время напрямую просить Америку о помощи⁹⁷. В секретной телеграмме, в тот же день направленной Рузвельту, он сообщил президенту, что не сомневается в скором нападении гитлеровских войск на Англию – и что он готовится к этой атаке. «Если понадобится, мы будем продолжать воевать в одиночестве, и это нас не страшит, – писал он. – Но, я надеюсь, вы понимаете, господин президент, что голос и сила Соединенных Штатов могут потерять свое значение в том случае, если они будут слишком долго сдерживаться. Вы можете оказаться перед лицом полностью покоренной и фашизированной⁹⁸ Европы, созданной с поразительной быстротой, и бремя может оказаться слишком тяжелым для нас»⁹⁹.

Он просил оказать Британии материальную помощь и отдельно предлагал Рузвельту подумать об отправке к британским берегам 50 старых эсминцев, которые Королевский военно-морской флот мог бы использовать, пока его собственная судостроительная программа не начнет поставлять новые корабли. Черчилль также хотел получить самолеты – «несколько сотен... последних типов», а также зенитные орудия и снаряды, «которых опять-таки будет много в будущем году, если только мы доживем...».

Затем он перешел к вопросу, который, как он отлично знал, в переговорах с Америкой всегда был весьма деликатным: эта страна всегда стремилась добиваться наилучших для себя условий, не уступая партнеру ни на йоту (или по крайней мере слыть таким жестким переговорщиком): «Мы будем продолжать платить долларами до тех пор, пока сможем, – писал он, – но мне хотелось бы иметь достаточную уверенность в том, что, когда мы не сможем вам платить, вы будете продолжать поставлять нам материалы».

Рузвельт ответил через два дня. Он сообщал, что не может прислать эсминцы без санкции конгресса, и отмечал: «Не уверен, что в данный момент такое обращение к конгрессу будет разумным»¹⁰⁰. Он по-прежнему относился к Черчиллю настороженно, но еще больше он опасался возможной реакции американской общественности. В тот период он как раз размышлял над тем, стоит ли ему баллотироваться на третий срок (и еще не сделал никаких официальных заявлений на сей счет).

Уклонившись от прямого ответа на разнообразные просьбы Черчилля, президент добавил: «Желаю вам всяческой удачи»¹⁰¹.

Неугомонный Черчилль решил, что ему необходимо лично встретиться с французским руководством – и для того, чтобы лучше понять, как идут боевые действия, и для того, чтобы попытаться как-то воодушевить союзников. Несмотря на присутствие немецких истребителей в небе над Францией, уже 16 мая, в четверг, в три часа дня, Черчилль отбыл на военном пассажирском самолете «Де Хэвилленд Фламинго» с авиабазы Королевских ВВС в Хендоне (располагавшейся примерно в семи милях к северу от Даунинг-стрит). Это был любимый самолет Черчилля: цельнометаллический двухмоторный пассажирский аппарат с большими мягкими креслами в салоне. К «Фламинго» быстро пристроилась группа «Спитфайров», которой предстояло сопровождать его в ходе этого полета во Францию. Вместе с Черчиллем туда отправился «Мопс» Исмей и несколько других официальных лиц.

---

⁹⁷ Свои воспоминания об этой телеграмме Черчилль предваряет замечанием: «Поскольку кабинет благоприятно отнесся к моей попытке получить эсминцы у американского правительства, днем 15 мая я составил первое послание к президенту Рузвельту после моего вступления на пост премьер-министра». Очевидно, что идея просить США о прямой помощи сформировалась у Черчилля еще до прорыва линии Мажино. – *Прим. ред.*

⁹⁸ В оригинале, разумеется, «нацифицированной» (Nazified). – *Прим. ред.*

⁹⁹ Churchill to Roosevelt, cable, May 15, 1940, FDR/Subject.

¹⁰⁰ Gilbert, *War Papers*, 2:69.

¹⁰¹ Kennedy, *American People in World War II*, 21.

Едва приземлившись, визитеры тут же поняли, что дела обстоят значительно хуже, чем они ожидали. Встречающие офицеры сообщили Исмею, что немцев ждут в Париже уже в ближайшие дни. Исмей писал: «Никто из нас не мог в это поверить»¹⁰².

Рейно и его генералы снова принялись умолять, чтобы Британия направила во Францию больше самолетов. После долгих и мучительных раздумий (и, как всегда, стараясь учитывать, как его действия будут выглядеть в истории) Черчилль пообещал 10 эскадрилий. Ночью он телеграфировал своему военному кабинету: «Будет нехорошо с исторической точки зрения, если их просьбы будут отвергнуты и в результате этого они погибнут»¹⁰³.

Утром он вместе со своими спутниками вернулся в Лондон.

Перспектива отправки во Францию столь большого количества истребителей беспокоила черчиллевского личного секретаря Колвилла. Он записал в дневнике: «Это означает лишить нашу страну четверти ее фронтовых истребителей ПВО»¹⁰⁴.

Ситуация во Франции стремительно ухудшалась, и по другую сторону Ла-Манша нарастал страх, что Гитлер теперь обратит все свое внимание на Британию. Вторжение казалось неминуемым. В Уайтхолле (и в английском обществе в целом) давно существовало подспудное стремление к «умиротворению» Германии. Теперь оно снова вышло на поверхность, словно грунтовые воды, подтапливающие газон: призывы заключить мир с Гитлером зазвучали вновь.

Дома у Черчилля такие пораженческие разговоры вызывали только ярость. Как-то раз Черчилль пригласил на ланч Дэвида Марджессона, лидера и главного организатора его парламентской фракции. Клементина и Мэри также присутствовали за столом. Марджессона причисляли к так называемым мюнхенцам: в свое время он выступал за умиротворение Германии и поддержал Мюнхенское соглашение 1938 года, одним из инициаторов которого был Чемберлен.

В ходе этого ланча Клементина ощущала все большее беспокойство.

С момента назначения Черчилля премьер-министром она стала его верной соратницей, организуя деловые завтраки и обеды, отвечая на бесконечные письма общественности. Она любила носить косынку с изображениями военных плакатов и лозунгов: «Подписывайтесь на Оборонный заем», «Вперед!» и т. п. на манер тюрбана. Сейчас ей было 55, а замужем за Черчиллем она была уже 32 года. После их помолвки Вайолет Бонем Картер, близкая подруга Черчилля, выражала серьезные сомнения в том, что Клементина достойна его, предсказывая, что она «всегда будет для него, как я часто повторяю, просто чем-то вроде декоративного сервировочного столика; она еще и слишком неприятельна, чтобы претендовать на нечто большее»¹⁰⁵.

Однако Клементина оказалась чем угодно, только не «приставкой». Высокая, подтянутая, демонстрирующая «законченную, безупречную красоту» (как вынуждена была признать сама Бонем Картер)¹⁰⁶, она обладала могучей силой воли и независимостью: часто она даже ездила в отпуск одна, на долгое время покидая семью. В 1935 году она в одиночку путешествовала по Дальнему Востоку четыре с лишним месяца. У них с Черчиллем были отдельные спальни; секс происходил лишь по ее явно выраженному приглашению¹⁰⁷. Вскоре после свадьбы Клементина поведала той же Бонем Картер, что Черчилль предпочитает носить особое нижнее белье: бледно-розовое и непременно шелковое¹⁰⁸. Клементину не смущали споры даже

---

¹⁰² Gilbert, *War Papers*, 2:54.

¹⁰³ Winston Churchill, *Their Finest Hour*, 50. См. также: Gilbert, *War Papers*, 2:62.

¹⁰⁴ Colville, *Fringes of Power*, 1:154.

¹⁰⁵ Wrigley, *Winston Churchill*, 113.

¹⁰⁶ Carter, *Winston Churchill*, 171.

¹⁰⁷ Purnell, *Clementine*, 48.

¹⁰⁸ Carter, *Winston Churchill*, 173.

с самыми высокопоставленными оппонентами. Говорили, что она – единственный человек, по настоящему способный противостоять натиску Черчилля.

Во время этого ланча в ней все больше разгорался гнев. Марджессон всю проповедовал пацифизм, который казался ей отвратительным. Вскоре она уже не могла этого выносить – и обрушилась на него с упреками за былое прогерманское соглашательство. Она намеревалась, что именно Марджессон способствовал нынешнему бедственному положению Британии. Как выразилась Мэри, «освежая его заживо словами, она стремительно удалилась»¹⁰⁹. Такая ситуация была довольно обыденной – члены семьи частенько говорили о «маминых взрывах». Описывая одну сцену, когда жертва получила от нее особенно яркую отповедь, Черчилль шутливо заметил: «Клемми бросилась на него, словно ягуар с дерева»¹¹⁰.

В данном случае она удалилась не одна. Она прихватила с собой Мэри, и они вдвоем уселись за ланч в «Гриле» отеля «Карлтон», расположенного неподалеку. Ресторан славился своим сияющим бело-золотым убранством.

Мэри ошеломило поведение матери. «Мне было чрезвычайно стыдно, я пришла в ужас, – записала она в дневнике. – Нам с мамой пришлось уйти и продолжить ланч уже в "Карлтоне". Хорошая еда, совершенно испорченная мрачным настроением»¹¹¹.

Посещения церкви предоставляли Клементине еще одну возможность открыто выразить свое возмущение. 19 мая, в воскресенье, она явилась на службу в церковь Святого Мартина в Полях – знаменитый англиканский храм на Трафальгарской площади. Провопедь священника показалась ей недопустимо пораженческой. Клементина встала и демонстративно вышла. Придя на Даунинг-стрит, она рассказала мужу эту историю.

Черчилль заметил:

– Тебе надо было вскричать: «Какой стыд, вы оскверняете ложью храм Божий!»¹¹²

Затем Черчилль отправился в Чартуэлл, их семейный загородный дом неподалеку от Лондона: там он намеревался поработать над текстом своего первого радиовыступления в качестве премьер-министра и немного отдохнуть душой рядом со своим прудом, мирно кормя золотых рыбок и черного лебедя.

Собственно, раньше тут имелись и другие лебеди, но они стали добычей лис.

Однако из Франции поступил еще один телефонный звонок, и Черчиллю пришлось срочно возвращаться в Лондон. Ситуация быстро ухудшалась, французская армия таяла на глазах. Казалось, мрачные известия совершенно не смутили Черчилля – что заставило Джока Колвилла еще немного потеплеть к своему новому начальнику. В воскресной дневниковой записи Колвилл отмечал: «Каковы бы ни были недостатки Уинстона, мне кажется, что именно такой человек сейчас нужен. Его дух неукротим, и, даже если мы потеряем Францию и Англию, я уверен, что он будет продолжать сражаться – вместе с горсткой благородных пиратов»¹¹³.

Он добавил: «Возможно, прежде я слишком резко отзывался о нем, но еще несколько недель назад ситуация была совершенно иной».

На совещании своего военного кабинета, начавшемся в 16:30, Черчилль узнал, что главнокомандующий британскими силами во Франции рассматривает возможность отступления к побережью Ла-Манша – прежде всего к портовому городу Дюнкерку. Черчилль выступил против этой идеи. Он опасался, что британские войска попадут в окружение и будут уничтожены.

---

¹⁰⁹ Soames, *Daughter's Tale*, 156.

¹¹⁰ Purnell, *Clementine*, 177.

¹¹¹ Soames, *Daughter's Tale*, 156.

¹¹² Colville, *Fringes of Power*, 1:157.

¹¹³ Там же.

Черчилль принял решение: больше ни одного истребителя не отправят во Францию¹¹⁴. Судьба этой страны теперь казалась весьма зыбкой, и в отправке туда самолетов было мало смысла, тем более что каждый истребитель требовался самой Англии – для защиты от грозящего ей вторжения.

Он работал над своим радиовыступлением до последней минуты – с шести до девяти вечера. Наконец он устроился перед микрофоном BBC.

– В этот нелегкий для нашей страны час я впервые обращаюсь к вам как премьер-министр, – начал он¹¹⁵.

Черчилль объяснил, каким образом немцы прорвали французскую линию обороны, применяя «незаурядное» сочетание авиации и танковых частей. Однако, добавил он, в прошлом французы не раз показывали, что они отлично умеют вести контрнаступление, и этот их талант, соединенный с мощью и опытом британской армии, может кардинально изменить положение.

Эта речь стала своего рода образцом для его выступлений военного времени. Он неизменно давал трезвую оценку фактов, но смягчал впечатление, предлагая те или иные поводы для оптимизма.

– Глупо было бы скрывать серьезность положения, – произнес он. – Но еще глупее было бы падать духом и терять мужество.

Он ни словом не обмолвился о возможности вывода БЭС из Франции, хотя этот вариант он всего несколькими часами ранее обсуждал со своим военным кабинетом.

Затем он обратился к главной причине этого выступления: он хотел предупредить соотечественников о том, что им предстоит.

– После того как эта битва во Франции утихнет, она перерастет в битву за наши острова, за все, что является Британией, за все, что олицетворяет Британия, – заявил он. – В случае этого страшнейшего несчастья мы без всяких колебаний пойдем на любые, даже самые суровые меры для того, чтобы потребовать от нашего народа приложить все усилия, на какие он способен, – до последней капли.

Некоторых слушателей эта речь привела в ужас, других же, напротив, воодушевила искренность, с которой Черчилль говорил об угрозе вторжения гитлеровских войск в Британию (об истинном состоянии французской армии он предпочел умолчать) – такие данные сообщало управление внутренней разведки министерства информации. Управление делало все возможное, чтобы отслеживать общественное мнение и боевой дух народа, ежедневно выпуская отчеты на основании данных более чем 100 источников, в том числе почтовых и телефонных цензоров, менеджеров кинотеатров, работников книжных и газетных киосков компании W. H. Smith. Сразу же после черчиллевского выступления управление внутренней разведки устроило экспресс-опрос слушателей. «Проведено 150 подомовых опросов в Лондоне и прилегающих районах, – рапортовало управление. – Примерно половина респондентов заявила, что эта речь испугала и обеспокоила их; остальные ощутили "воодушевление", "стали решительнее", "укрепились духом"»¹¹⁶.

Теперь Черчилль снова обратился к мучительным размышлениям о том, что же делать с сотнями тысяч британских солдат, находящихся во Франции. Он склонен был настоять, чтобы они перешли в наступление и бились до победного конца, но время для таких подвигов, похоже, уже прошло. Сейчас Британские экспедиционные силы в полном составе отступали к побережью, преследуемые немецкими танковыми дивизиями, которые уже обеспечили

---

¹¹⁴ За три дня до описываемых событий (то есть поздно ночью 16 мая) было принято (и исполнено) решение отправить во Францию шесть дополнительных эскадрилий (к уже имевшимся четырем). – *Прим. ред.*

¹¹⁵ Gilbert, *War Papers*, 2:83–89. См. также: Toye, *Roar of the Lion*, 45–47. В книге Тойе приводится множество закулисных историй о величайших речах Черчилля, и это истории зачастую удивляют.

¹¹⁶ Toye, *Roar of the Lion*, 47.

Гитлеру триумфальный смертоносный марш по Европе. Перед БЭС маячила вполне реальная перспектива уничтожения.

Поэтому на смену тому Черчиллю, который в воскресенье так поразил Колвилла своей невозмутимостью, пришел другой Черчилль – судя по всему, глубоко обеспокоенный судьбой империи, управление которой ему доверили. 21 мая, во вторник, Колвилл записал в дневнике: «Никогда не видел Уинстона в столь подавленном состоянии».

Наперекор советам своих начальников штабов (и многих других специалистов) Черчилль решил полететь в Париж на вторую встречу, причем на сей раз в скверную погоду.

Этот визит не принес никаких результатов, он лишь заставил волноваться Клементину и Мэри. «Для полетов погода была чудовищная, – писала Мэри в дневнике. – Я очень переживала. Новости невероятно плохие – можно лишь молиться, чтобы все обошлось»¹¹⁷.

Положение сложилось настолько напряженное, все находилось под настолько сильным давлением, что члены кабинета Черчилля решили: премьер-министру нужен личный врач (хотя сам пациент на это не соглашался). Эту должность поручили занять сэру Чарльзу Уилсону, декану Медицинской школы лондонской больницы Святой Марии. Во время Первой мировой он был офицером медицинской службы и в 1916 году удостоился ордена Военного креста за отвагу в Битве при Сомме.

Поэтому поздним утром 24 мая, в пятницу, Уилсон оказался в Адмиралтейском доме. Его провели наверх, в спальню Черчилля. (Заметим, что в Британии врачей, обладающих таким же статусом, как Уилсон, обычно именуют не «доктор», а «мистер».) «Я стал его личным врачом, – писал Уилсон в дневнике, – не потому, что он хотел обзавестись таковым, а потому, что некоторые члены кабинета, осознавшие, насколько важную роль стал играть этот человек, решили, что кто-то должен следить за его здоровьем»¹¹⁸.

Был уже почти полдень, но, когда Уилсон вошел в эту комнату, он обнаружил, что Черчилль еще в кровати: он читал, сидя в постели, и не поднял на него взгляд.

Уилсон проследовал к кровати. Черчилль по-прежнему никак не показывал, что заметил его присутствие. Он продолжал читать.

Наконец (как пишет Уилсон, «мне показалось, что прошло довольно много времени») Черчилль опустил документ, который держал в руках, и нетерпеливо произнес:

– Не знаю, что это они так всполошились. У меня все в порядке со здоровьем.

И он продолжил чтение. Но Уилсон не уходил.

После еще одной затянувшейся паузы Черчилль резко оттолкнулся от изголовья, сбросил с себя одеяла и рявкнул:

– Я страдаю диспепсией – то есть несварением желудка (будущие поколения станут называть это изжогой). – Вот так я от нее лечусь.

И он принялся за дыхательные упражнения.

Уилсон молча наблюдал. «Его большой белый живот ходил вверх-вниз, – вспоминал он позже. – Тут в дверь постучали, и он схватил одеяло, как раз когда в комнату вошла миссис Хилл». Речь идет о Кэтлин Хилл (тогда ей было 39 лет), его любимом персональном секретаре. Вместе со своей пишущей машинкой она всегда находилась при нем – вне зависимости от того, был ли он одет.

«Вскоре после этого я отбыл, – констатировал Уилсон. – Мне не нравится эта работа, и я не думаю, что задержусь на этом месте».

По мнению Джона Колвилла, премьер-министр не нуждался в присмотре врача. Ему казалось, что премьер-министр в неплохой физической форме и, более того, снова пребывает в хорошем настроении – тот стряхнул депрессию, владевшую им несколько дней назад. В эту

---

¹¹⁷ Diary, May 22, 1940, Mary Churchill Papers.

¹¹⁸ Moran, *Churchill*, 5.

же пятницу, позже, Колвилл явился в Адмиралтейский дом и застал Черчилля «облаченным в роскошный – даже вычурный – халат и попыхивающим длинной сигарой: он спускался из Верхнего оперативного штаба в свою спальню»¹¹⁹.

Премьер собирался принять ванну¹²⁰. Ее готовил в соответствии с точными инструкциями (наполнить на две трети, температура воды – ровно 37 °C¹²¹) его камердинер и дворецкий Фрэнк Сойерс, постоянно находившийся рядом с ним («этот неизбежный, неотвязный Сойерс», как пишет Колвилл)¹²². Черчилль принимал ванну два раза в день: это была его давняя привычка, и он следовал ей вне зависимости от того, где он находился и насколько неотложными были внешние события. В этом вопросе для него не было разницы между, скажем, британским посольством в Париже (где проходила очередная встреча с французскими руководителями) и своим премьерским поездом (в туалетной комнате которого имела ванна).

Но в эту пятницу во время банного часа поступил целый ряд важных телефонных звонков. Колвилл стоял рядом, а Черчилль то и дело выбирался из ванны, хлопывал себя полотенцем и брал трубку.

Колвилл посчитал это «полное отсутствие личного тщеславия» одной из самых милых его черт.

В Адмиралтейском доме и на Даунинг-стрит Колвилл наблюдал сцены, каких он никогда не видел в годы работы с Чемберленом. Порой Черчилль бродил по коридорам в красном халате, каске и тапочках с помпонами. Кроме того, он любил небесно-голубой цельнокроеный «костюм для воздушной тревоги»: он придумал его сам. Эту штуку можно было натянуть мгновенно. Сотрудники прозвали ее «песочником» – как детский комбинезончик. По словам черчиллевского телохранителя детектива-инспектора Томпсона, этот наряд придавал Черчиллю «вид какого-то воздушного шара: казалось, он вот-вот оторвется от пола и полетит над своими угодьями»¹²³.

Колвилл проникался все большей симпатией к премьеру.

Хладнокровие Черчилля казалось особенно удивительным с учетом тех новостей, которые приходили в ту пятницу с противоположной стороны Ла-Манша. Все не переставали поражаться: великая французская армия, казалось, находится на грани окончательного разгрома. «Единственной незыблемой скалой, на которой последние два года все стремились строить планы, являлась французская армия, – писал в дневнике министр иностранных дел Галифакс. – А немцы прошли сквозь нее с такой же легкостью, как сквозь поляков»¹²⁴.

В тот же день Черчилль получил документ, развеивавший последние иллюзии. Его авторы решились поразмышлять над таким развитием событий, которое прежде казалось совершенно немыслимым. Он и сейчас представлялся авторам, начальникам штабов, настолько невероятным, что они даже не сумели заставить себя упомянуть о нем в заглавии, отделившись эвфемизмом: «Британская стратегия в случае определенного развития событий».

Глава 5

Лунобоязнь

Доклад начинался так: «Цель данной работы – выяснить, за счет чего мы могли бы продолжать сражаться в одиночку, если французское Сопротивление будет полностью сломлено,

---

¹¹⁹ Colville, *Fringes of Power*, 1:162.

¹²⁰ Purnell, *Clementine*, 162.

¹²¹ В оригинале – 98 °F (Великобритания тогда еще не перешла на шкалу Цельсия). – *Прим. пер.*

¹²² Colville, *Fringes of Power*, 2:216.

¹²³ Thompson, *Assignment*, 173.

¹²⁴ Andrew Roberts, "Holy Fox," 211.

значительная часть Британских экспедиционных сил потеряна, а французское правительство вынуждено заключить мир с Германией»¹²⁵.

Этот документ, снабженный грифом «Совершенно секретно», было страшно читать. Одним из его фундаментальных предположений стала «полная экономическая и финансовая поддержка» со стороны Соединенных Штатов. Без нее, курсивом отмечали авторы доклада, «мы едва ли сумеем продолжать военные действия с какими-либо шансами на успех». Авторы прогнозировали, что из Франции удастся эвакуировать лишь небольшую часть БЭС.

Но главное опасение состояло в том, что в случае капитуляции Франции Гитлер повернет свои сухопутные армии и авиацию против Англии. «Германия обладает огромными силами для того, чтобы вторгнуться в нашу страну и оккупировать ее, – отмечалось в докладе. – Как только некоторые части противника, имеющие в своем составе бронетехнику, сумеют закрепиться на нашем берегу, серьезно недооснащенная армия Великобритании не сумеет вытеснить их, поскольку не обладает должным наступательным потенциалом».

По мнению авторов, все зависело от того, «сумеют ли наши истребители ПВО сократить атакующую мощь противника до приемлемых пределов». Британии следовало сосредоточить усилия на производстве истребителей, подготовке их экипажей и защите авиационных заводов: «Самое главное сейчас – противовоздушная оборона нашей страны».

Авторы доклада предупреждали: если Франция падет, задача станет неизмеримо труднее. Предшествующие планы обороны страны основывались на предположении (более того – на уверенности), что силы люфтваффе будут действовать с авиабаз, расположенных в самой Германии, поэтому им не так-то просто будет проникать в глубину Англии. Теперь же британским стратегам придется иметь дело с вполне реальной перспективой взлета немецких истребителей и бомбардировщиков с аэродромов, расположенных вдоль побережья Франции, в нескольких минутах полета от английских берегов, а также с баз в Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии. Эти базы, подчеркивалось в докладе, позволят Германии «проводить сосредоточенные и массированные налеты дальних и ближних бомбардировщиков на значительную часть территории нашей страны».

Основной вопрос сводился к тому, сумеет ли британский народ выдержать всю яростную мощь атак немецкой авиации. Доклад предостерегал: моральное состояние страны «будет подвергнуто невиданно тяжелому испытанию». Однако авторы нашли причины полагать, что британцы все-таки не падут духом – «если сумеют осознать (это осознание уже начинает овладевать ими), что на кону стоит существование империи как таковой». По мнению авторов доклада, пришло время «проинформировать общественность об истинных опасностях, которые нам угрожают».

Представлялось очевидным, что главной целью Гитлера станет Лондон. Еще в 1934 году, выступая перед палатой общин, Черчилль сам назвал этот город «величайшей мишенью в мире, наподобие огромной, жирной, очень ценной коровы, которую привязали, чтобы подманить хищника»¹²⁶. После одного из совещаний кабинета Черчилль вывел своих министров на улицу и с мрачной полуулыбкой сказал им: «Хорошенько оглядитесь вокруг. Полагаю, в ближайшие две-три недели все эти здания приобретут совсем иной вид»¹²⁷.

Но даже этот доклад начальников штабов (при всей своей безотрадности) не сумел отобразить стремительного и полного коллапса по ту сторону Ла-Манша. Победа Германии во Франции казалась делом почти решенным, и британская разведка прогнозировала, что Германия может сразу же вторгнуться в Англию, не дожидаясь официальной капитуляции Франции. Британцы ожидали, что это вторжение начнется с мощнейшей атаки немецкой авиации – и

---

¹²⁵ "British Strategy in a Certain Eventuality," May 25, 1940, War Cabinet Papers, CAB/66/7, UKARCH.

¹²⁶ Clapson, *Blitz Companion*, 27.

¹²⁷ Dalton, *Fateful Years*, 329.

что эта атака может стать для Британии «сокрушительным ударом» (Черчилль именовал это авиационным «банкетом»): в британском небе станет темно от вражеских самолетов (предполагалось, что их будет там около 14 000 одновременно).

Как полагали британские стратеги, у люфтваффе вчетверо больше самолетов, чем у Королевских ВВС. Три главных немецких бомбардировщика («Юнкерс Ю-88», «Дорнье До-17» и «Хейнкель Хе-111») несли на себе огромную бомбовую нагрузку – от 2000 до 8000 фунтов каждый, гораздо больше, чем можно было бы себе представить во время прошлой войны. Один аппарат был особенно устрашающим – «Штука»¹²⁸ (сокращение от немецкого слова *Sturzkampfflugzeug*, означающего «пикирующий бомбардировщик»). Самолет напоминал гигантское насекомое с изогнутыми крыльями и был оснащен специальным устройством под названием *Jericho-Trompete* («иерихонская труба»), издававшим ужасный визг, когда самолет пикировал. Он мог сбрасывать бомбы (до пяти одновременно) с гораздо большей точностью, чем обычный бомбардировщик, и во время немецкого блицкрига вызывал настоящий ужас у войск союзников.

По мнению британских военных стратегов, Германия располагала возможностью принудить Англию к сдаче одними массированными бомбардировками. Такой сценарий давно рассматривали теоретики воздушной войны, видевшие в «стратегической бомбардировке» (или в «бомбардировке устрашения») средство подавления противника. Казалось, немецкий бомбовый удар по Роттердаму только подтверждает такие выкладки. Голландцы сдались на следующий же день после атаки люфтваффе – опасаясь, как бы враг не уничтожил другие их города. Способность Англии защитить себя от угрозы такого рода полностью зависела от мощностей ее авиационной промышленности: сумеет ли она выпускать истребители – «Харрикейны» и «Спитфайры» – достаточно быстро, чтобы не только возмещать стремительно растущие потери, но и нарастить общее количество самолетов, пригодных для воздушного боя. Впрочем, сами по себе истребители ни за что не смогли бы одержать победу в этой войне, хоть Черчилль и полагал, что, имея достаточное число самолетов, Англия, возможно, сумеет достаточно долго сдерживать натиск Гитлера и оттягивать вторжение – пока в войну не вступят Соединенные Штаты.

Но производство истребителей хромало. Английские авиационные заводы работали по предвоенному графику, который не учитывал новую реальность – когда силы противника базируются прямо через Ла-Манш. Производство росло, но этому росту мешали замшелые традиции бюрократии, привыкшей к мирному времени и лишь сейчас начавшей открывать глаза на реалии мировой войны. Нехватка комплектующих и материалов прерывала производственный процесс. Поврежденные самолеты простаивали в ожидании ремонта. У многих почти готовых аппаратов не хватало двигателей и некоторых приборов. Важнейшие компоненты хранились на складах, расположенных по всей стране, а местные чиновники охраняли эти склады со рвением феодалов, приберегая эти запасы для собственных будущих нужд.

Имея все это в виду, Черчилль уже в первый день своего премьерства создал министерство авиационной промышленности (МАП) – совершенно новое министерство, задачей которого станет исключительно производство истребителей и бомбардировщиков. Как полагал Черчилль, лишь это новое ведомство могло спасти Британию от поражения. Он был уверен, что нашел подходящего человека, чтобы его возглавить: это был его давний друг (а временами – политический противник) Макс Эйткен, лорд Бивербрук, так и притягивавший споры и конфликты подобно тому, как металлический шпиль притягивает молнию.

Черчилль в тот же вечер предложил ему этот пост, но Бивербрук колебался. Он нажил состояние на издании газет и понятия не имел, как управлять предприятиями, которые выпускают столь сложную продукцию – истребители и бомбардировщики. Кроме того, он не отли-

---

¹²⁸ «Штука» – «Юнкерс Ю-87». – Прим. пер.

чался крепким здоровьем. Его беспокоили проблемы с глазами и астма, он даже выделил одну из комнат своего лондонского особняка (под названием Сторноуэй-хаус) под процедуры для лечения астмы и поставил там множество чайников, чтобы насыщать воздух паром. Через две недели ему исполнился 61 год. Он отстранился от прямого руководства своей газетной империей и намеревался проводить побольше времени на своей вилле в Кап-д'Ай, на юго-восточном побережье Франции (хотя Гитлер пока мешал осуществлению этих планов). Секретари Бивербрука еще составляли для него черновики письма с отказом, когда вечером 12 мая (судя по всему, поддавшись внезапному порыву) он все-таки принял предложение. Два дня спустя его официально назначили министром авиационной промышленности.

Черчилль хорошо понимал Бивербрука и интуитивно чувствовал: это как раз тот человек, который встряхнет авиационную промышленность, пробудив ее от спячки. Он знал и то, что с Бивербруком может быть непросто (и что с ним наверняка *будет* непросто), он предвидел, что новоназначенный министр станет порождать вокруг себя конфликты. Но это не имело никакого значения. Один американский гость выразился об этом так: «Премьер относился к Бивербруку с большой теплотой. Он смотрел на него как снисходительный отец на ребенка, выпалившего на званом обеде нечто не совсем уместное – не делая ему никаких замечаний»¹²⁹.

Впрочем, у решения Черчилля имелись и другие причины. Черчиллю хотелось, чтобы Бивербрук был рядом просто как друг – дающий советы по вопросам, выходящим за рамки собственно производства самолетов. Вопреки панегирикам многих биографов, Черчилль не справлялся (да и, откровенно говоря, не мог бы справиться) с чудовищным давлением, случись ему руководить воюющей страной в полном одиночестве. Он в огромной степени полагался на других, даже если порой эти другие просто служили аудиторией для обкатки его мыслей и планов. Черчилль всегда мог положиться на искренность Бивербрука – и на то, что тот будет давать ему советы без оглядки на политические соображения или на личные чувства. «Мопс» Исмей оказывал на него успокаивающее, охлаждающее действие, а вот Бивербрук, наоборот, воспламенял. Кроме того, с ним было очень интересно и весело: Черчилль любил таких людей и нуждался в таком окружении. Исмей тихонько сидел где-то рядом, готовый в случае необходимости предложить совет и консультацию. А Бивербрук оживлял любое помещение, в которое входил. Иногда он называл себя придворным шутком Черчилля.

Бивербрук родился в Канаде, а в Англию перебрался незадолго до Первой мировой. В 1916 году он приобрел газету *Daily Express*, находившуюся тогда на последнем издыхании, и со временем увеличил ее тираж всемерно (до 2,5 млн экземпляров), укрепив свою репутацию изобретательного эксцентрика. «Бивербруку нравилось провоцировать окружающих», – писала Вирджиния Коулз, выдающийся хроникер жизни Англии военного времени (она работала в *Evening Standard* как раз в ту пору, когда эта газета принадлежала Бивербруку)¹³⁰. Самоуспокоенность была для него такой же заманчивой мишенью, «как для мальчишки с булавкой – воздушный шарик», отмечала та же Коулз. Бивербрук и Черчилль дружили на протяжении трех десятков лет, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга.

Многие недолюбливали Бивербрука, а его наружность казалась своего рода воплощением его личности. Его рост составлял пять футов девять дюймов¹³¹ (на три дюйма выше Черчилля); широкое туловище громоздилось над узкими бедрами и тоненькими ногами. В этом сочетании (сюда следует прибавить его широкую лукавую улыбку, его слишком большие уши и нос, россыпь родинок на лице) было нечто такое, что побуждало людей описывать его как существо меньших размеров, как некоего злокозненного эльфа из сказки. Американский генерал Реймонд Ли, находившийся в Лондоне в качестве официального наблюдателя, называл его «буй-

¹²⁹ Memorandum, May 6, 1943, Writings File, Memoirs, W. Averell Harriman Papers.

¹³⁰ Cowles, *Looking for Trouble*, 112.

¹³¹ 175 см. – Прим. пер.

ным, страстным, злобным и опасным маленьким гоблином»¹³². Лорд Галифакс прозвал его Жабой¹³³. Некоторые – за глаза – называли его Бобром¹³⁴¹³⁵. Клементина относилась к Бивербруку с особым недоверием. «Дорогой, – писала она Черчиллю, – постарайся избавиться от этого микроба, содержащегося (как некоторые опасаются) у тебя в крови. Изгони этого мелкого беса. Вот увидишь, воздух сразу станет прозрачнее и чище»¹³⁶.

Впрочем, обычно женщины находили Бивербрука привлекательным. Его жена Глэдис умерла в 1927 году. И во время этого брака, и после него у Бивербрука случались многочисленные романы. Он обожал сплетни. Благодаря своим подругам (и своей сети репортеров) он знал многие секреты лондонского высшего общества. «Похоже, Макс никогда не устает от пошлых драм, которыми наполнена жизнь некоторых людей, от их неверностей, от их страстей», – писал его врач Чарльз Уилсон, который теперь следил и за здоровьем Черчилля¹³⁷. Один из самых рьяных врагов Бивербрука, министр труда Эрнест Бевин, описывал отношения между Черчиллем и Бивербруком с помощью довольно смелого сравнения: «Он [Черчилль] – как человек, женившийся на шлюхе: он отлично знает, что она шлюха, но все равно ее любит»¹³⁸.

Сам Черчилль говорил об этих отношениях весьма лаконично: «У некоторых есть наркотики. А у меня – Макс»¹³⁹.

Он сознавал, что, передавая ответственность за производство самолетов из давно существующего министерства авиации в новосозданное ведомство Бивербрука, он закладывает основу для столкновения бюрократических интересов, но он все-таки не сумел предвидеть, сколько откровенных скандалов и склок тотчас же вызовет фигура Бивербрука – и каким мощным источником раздражения она станет. Писатель Ивлин Во (считалось, что один из героев его сатирического романа «Сенсация» был списан с Бивербрука, – сам автор, правда, это отрицал) однажды язвительно заметил, что волей-неволей склонен «поверить в дьявола – хотя бы для того, чтобы как-то объяснить существование лорда Бивербрука»¹⁴⁰.

Ставки действительно были высоки. «Британия никогда не сталкивалась со столь мрачной картиной», – писал Дэвид Фаррер, один из многочисленных секретарей Бивербрука¹⁴¹.

Бивербрук с удовольствием взялся за новое задание. Ему очень нравилось находиться у кормила власти, а еще больше его радовала перспектива испортить жизнь узколобым бюрократам. Работу по организации нового министерства он начал прямо из собственного особняка. Администрацию этого ведомства он наводнил сотрудниками, надерганными из штата собственных газет. Кроме того, он сделал весьма необычный для того времени шаг, назначив одного из редакторов этих газет своим личным менеджером по пропаганде и по связям с общественностью. Намереваясь быстро преобразовать авиационную промышленность, он сделал своими ближайшими помощниками целый ряд ведущих управленцев: в их число вошел генеральный менеджер одного из заводов Ford Motor Company. Бивербрука мало заботило,

¹³² Lee, *London Observer*, 79. См. там же (на с. 54) упоминание о Бивербруке как об «обидчивом карлике». После встречи с ним весной 1941 года Кэтлин Гарриман сравнивала его с карикатурой из сатирического журнала *Punch*: «Маленький, лысоватый, с большим животом, а ниже его фигура сужается к двум ярко сияющим желтым ботинкам. Любимое развлечение для него – окружить себя умными людьми и потом стравливать их между собой, чтобы они спорили и ссорились». Kathleen Harriman to Mary Harriman Fisk, May 30, 1941, Correspondence, W. Averell Harriman Papers.

¹³³ Andrew Roberts, *Holy Fox*, 265.

¹³⁴ Это прозвище попало мне в нескольких источниках. Например, в: Chisholm and Davie, *Beaverbrook*, 339, 356, 357, 371; Colville, *Fringes of Power*, 2:83.

¹³⁵ Beaver – бобер (англ.). – Прим. пер.

¹³⁶ Smith, *Reflected Glory*, 66.

¹³⁷ Moran, *Churchill*, 7.

¹³⁸ A.J.P. Taylor, *Beaverbrook*, 411.

¹³⁹ Purnell, *Clementine*, 194.

¹⁴⁰ Maier, *When Lions Roar*, 211.

¹⁴¹ Farrer, *Sky's the Limit*, 11.

разбираются ли эти люди в самолетах. «Все они – капитаны промышленности, а промышленность – как теология, – замечал Бивербрук. – Если вы знаете основы одной религии, вам будет легко ухватить смысл другой. Я бы, например, преспокойно назначил председателя Генеральной ассамблеи Пресвитерианской церкви исполнять обязанности папы римского»¹⁴².

Бивербрук проводил главные рабочие встречи в библиотеке на первом этаже своего дома, а в хорошую погоду – на балконе своего бального зала, расположенного на втором этаже. Его машинистки и секретари работали наверху – везде, где могли приткнуться. В ваннных комнатах стояли пишущие машинки. На кроватях раскладывали документы. Никто не выходил пообедать: стоило лишь попросить – и кушанья, приготовленные поваром Бивербрука, доставляли вам на подносе. Сам Бивербрук предпочитал на ланч цыпленка, хлеб и грушу.

Подразумевалось, что все сотрудники должны работать в том же режиме, что и он, то есть по 12 часов в день – семь дней в неделю. Порой он предъявлял совершенно нереалистичные требования. Один из самых высокопоставленных его подчиненных жаловался, что как-то раз Бивербрук дал ему задание в два часа ночи, а уже в восемь утра позвонил осведомиться, много ли сделано. Как-то раз Джордж Малькольм Томсон, один из его персональных секретарей, в нарушение графика утром не вышел на работу. Министр оставил для него записку: «Скажите Томсону – если он еще раз ослабит бдительность, сюда нагрянет Гитлер»¹⁴³. А камердинер Бивербрука по имени Альберт Нокелз как-то в ответ на очередное громоподобное «Бога ради, поживее!» бросил: «Я вам не "Спитфайр", милорд!»¹⁴⁴.

Но при всей своей значимости истребители представляли собой лишь оружие защиты. Черчиллю хотелось резко увеличить и производство бомбардировщиков. Он полагал, что в распоряжении Британии в тот момент не было иной возможности обрушить войну непосредственно на Гитлера. Некоторое время Черчиллю приходилось полагаться на имеющийся у Королевских ВВС флот средних бомбардировщиков, хотя уже готовились к вводу в строй четырехмоторные тяжелые бомбардировщики «Стирлинг» и «Галифакс» (в честь йоркширского города, а не в честь лорда Галифакса), каждый из которых мог доставить до 14 000 фунтов бомб далеко на территорию Германии. Между тем Черчилль понимал, что пока Гитлер спокойно может направить свои войска в любом направлении – будь то на восток, в Азию или Африку. «Лишь одно заставит его вернуться и в конечном счете сломает, – писал Черчилль в служебной записке Бивербруку. – Это абсолютно сокрушительная, всеуничтожающая атака очень тяжелых бомбардировщиков нашей страны, которая обрушится на родину нацистов. Мы должны иметь возможность ошеломить их такими средствами, а иначе я не вижу для нас выхода»¹⁴⁵.

Этот текст был напечатан под его диктовку на машинке. Внизу Черчилль приписал от руки: «Нам как минимум следует добиться превосходства в воздухе. Когда будет решена эта задача?»

Черчиллевский министр авиационной промышленности действовал с экспансивностью какого-нибудь импресарио, он даже разработал специальный флажок для радиатора своего автомобиля: красные буквы «МАП» на голубом фоне. Британские авиазаводы начали выдавать истребители со скоростью, которую никто не мог предвидеть (меньше всего – немецкая разведка), в условиях, которые прежде менеджеры этих предприятий не могли себе вообразить.

Угроза вторжения заставила все слои британского общества всерьез задуматься о том, что же это такое – вторжение врага. Это была уже не какая-то абстрактная опасность: это могло случиться, пока вы сидели за обеденным столом, читая *Daily Express*, или, опустившись на колени, подрезали розы у себя в саду. Черчилль был убежден, что одной из первых целей Гит-

---

¹⁴² Там же, 33.

¹⁴³ A.J.P. Taylor, *Beaverbrook*, 424.

¹⁴⁴ Farrer, *G – for God Almighty*, 53.

¹⁴⁵ Minute, Churchill to Beaverbrook (служебная записка Черчилля Бивербруку) [дату на этой служебной записке почти невозможно разобрать: по-видимому, это 8 июля 1940 года], Prime Minister Files, BFK/D, Beaverbrook Papers.

лера станет уничтожение его самого – исходя из ожидания, что всякое правительство, которое придет на смену сформированному им, будет более склонно к переговорам. Он настаивал, чтобы в багажнике его автомобиля всегда стоял легкий пулемет Bren, и неоднократно клялся, что, если немцы придут за ним, он постарается унести с собой в могилу как можно больше врагов. Он часто носил с собой револьвер – и, по словам детектива-инспектора Томпсона, часто не мог припомнить, куда его задевал. Как вспоминает Томпсон, время от времени премьер вдруг выхватывал револьвер, принимался размахивать им и «с проказливым восторгом» восклицал: «Знаете, Томпсон, им не взять меня живьем! Я уложу одного-двух, прежде чем они сумеют меня пристрелить»¹⁴⁶.

Но он был готов и к худшим вариантам развития событий. По воспоминаниям миссис Хилл, входившей в штат его персональных секретарей и машинисток, в колпачок своей перьевой ручки он вставил ампулу с цианидом¹⁴⁷.

Гарольд Никольсон, парламентский секретарь министерства информации, и его жена, писательница Вита Саквилл-Уэст, начали во всех подробностях продумывать, как им пережить вторжение, – словно готовясь к зимней буре. «Тебе надо будет проследить, чтобы "Бьюик" легко можно было завести, у него должен быть полный бак, – писал ей Никольсон. – В машину надо положить еду на 24 часа, в багажник спрятать твои драгоценности и мои дневники. Кроме того, нужно взять с собой одежду и все самое ценное, но остальное придется оставить»¹⁴⁸. Вита жила в их сельском доме под названием Сиссингхёрст, всего в 20 милях от пролива Па-де-Кале, в том районе, где расстояние между Англией и Францией являлось наименьшим, – то есть там, где с наибольшей вероятностью стоило ожидать высадки вражеского десанта. Никольсон рекомендовал ей с началом интервенции тут же уехать на машине в Девоншир (в пяти часах езды на запад). «Все это звучит очень тревожно, – добавлял он, – но было бы глупо делать вид, будто такая опасность нереальна».

Чудесная погода, стоявшая в те дни, лишь усилила всеобщую тревогу. Казалось, сама природа в сговоре с Гитлером: наступила почти непрерывная череда ясных, теплых дней; воды в проливе были спокойны, что создавало идеальные условия для плоскодонных барж, которые понадобятся Гитлеру для переброски танков и артиллерии на британское побережье. Писательница Ребекка Уэст рассказывала о «совершенно безоблачном небе этого невероятно погожего лета», когда они с мужем гуляли по лондонскому Риджентс-парку, а над головой у них висели заградительные аэростаты – «серебристые слоновьи туши»¹⁴⁹. Пятьсот шестьдесят два гигантских вытянутых дирижабля парили над Лондоном, удерживаемые тросами длиной в милю: они должны были перекрыть путь пикирующим бомбардировщикам и помешать истребителям снизиться, чтобы расстреливать городские улицы с бреющего полета. Уэст вспоминала, как люди сидели в садовых креслах среди роз, глядя прямо перед собой, с бледными от напряжения лицами. «Некоторые бродили меж розовых кустов, серьезно и сосредоточенно глядя на яркие цветы и вдыхая их аромат, словно хотели сказать: "Вот они какие, розы, вот как они пахнут. Мы должны это помнить, погружаясь во мрак"».

Но даже страх перед вторжением не мог полностью уничтожить очарование этих деньков на излете весны. Энтони Иден, недавно назначенный Черчиллем на должность военного министра (высокий, привлекательный, легко узнаваемый, словно кинозвезда), как-то раз отправился на прогулку в Сент-Джеймс-парк, сел на скамейку и задремал. Он проспал целый час.

---

¹⁴⁶ Thompson, *Assignment*, 129. Вероятно, тут стоит упомянуть, что в 1943 году Томпсон случайно выстрелил себе в ногу – после того как его пистолет зацепился за какую-то обивку. Когда инспектор вылез, Черчилль вновь принял его к себе на службу. «У меня нет насчет вас ни малейших сомнений, Томпсон, – заверил его Черчилль (по словам самого Томпсона). – Вы – самый осторожный человек на свете. Продолжайте в том же духе» (там же, 214–215).

¹⁴⁷ Manchester and Reid, *Defender of the Realm*, 124.

¹⁴⁸ Nicolson, *War Years*, 88.

¹⁴⁹ Ziegler, *London at War*, 82.

Франция неудержимо сдавала позиции, и воздушные налеты гитлеровцев на Англию казались неизбежными. Источником страха стала луна. Первое полнолуние черчиллевского премьерства выпало на вторник, 21 мая. Ночное светило залило улицы Лондона прохладным сиянием, бледным, как воск. Недавний немецкий авианалет на Роттердам упорно маячил в сознании британцев, как бы давая понять, что может случиться с британской столицей – скоро, совсем скоро. Эта печальная перспектива казалась столь вероятной, что три дня спустя, 24 мая, в пятницу, когда луна была еще яркой (она перешла в третью четверть), Том Харрисон, руководитель «Массового наблюдения», сети добровольных наблюдателей за состоянием общества, разослал специальное письмо этим многочисленным авторам дневников: «В случае авианалета наблюдателям не следует стоять на улице... будет вполне приемлемо, если наблюдатели спрячутся в укрытие *вместе с другими людьми*. Желательно – *с большим количеством других людей*»¹⁵⁰.

Нельзя было упускать такую уникальную возможность понаблюдать за поведением людей.

Глава 6

Геринг

В пятницу, 24 мая, Гитлер принял два решения, которые серьезно скажутся на продолжительности и характере дальнейшей войны.

В полдень, по совету одного из своих доверенных высших военачальников, Гитлер распорядился, чтобы его танковые дивизии прекратили наступательные действия против Британских экспедиционных сил. Гитлер согласился с рекомендацией этого генерала, отмечавшего, что танковым частям нужно дать возможность перегруппироваться перед запланированным броском на юг. Немецкие войска уже понесли большие потери в ходе так называемой Западной кампании: 27 074 погибших, 111 034 раненых, 18 384 пропавших без вести¹⁵¹. Это стало серьезным ударом для немецкого общества, которое прежде заставили поверить в то, что война будет короткой и «чистой». Приказ о прекращении наступления, давший британцам спасительную передышку, озадачил и британских, и немецких командиров. Генерал-фельдмаршал люфтваффе Альберт Кессельринг позже назвал это решение «роковой ошибкой»¹⁵².

Кессельринг еще больше удивился, когда задачу по уничтожению отступающих британских войск внезапно поручили его авиации. Шеф люфтваффе Герман Геринг незадолго до того обещал Гитлеру, что его воздушные силы могут разбить БЭС самостоятельно. Но Кессельринг отлично знал, что это обещание не слишком реалистично, особенно если учесть крайнюю усталость геринговских пилотов и энергичные атаки летчиков Королевских ВВС на новейших «Спитфайрах».

В ту же пятницу, словно еще больше впечатлившись верой Геринга в почти магические возможности его авиации, Гитлер выпустил «Директиву № 13» – один из общестратегических приказов, которые он будет издавать на протяжении всей войны. «Задача военно-воздушных сил – сломить всякое сопротивление окруженных войск противника, а также воспрепятствовать бегству английских сил через Ла-Манш», – говорилось в директиве. Она давала люфтваффе разрешение «предпринять полномасштабную атаку на английскую территорию, как только для этого будут собраны достаточные силы»¹⁵³.

---

¹⁵⁰ Hinton, *Mass Observers*, 191.

¹⁵¹ Boelcke, *Secret Conferences of Dr. Goebbels*, 59.

¹⁵² Kesselring, *Memoirs*, 60. См. также полную сомнений запись в дневнике генерала Франца Гальдера (начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта), последняя фраза которой – «Добить окруженную армию противника предоставили авиации!!» (Halder, *War Diary*, 165).

¹⁵³ Trevor-Roper, *Blitzkrieg to Defeat*, 27–29.

Геринг – крупный, жизнерадостный, безжалостно-жестокий – использовал свою близость к Гитлеру для того, чтобы эту задачу поручили ему. С помощью одной лишь силы своей кипучей, радостно-развращенной натуры ему – до поры – удавалось преодолевать дурные предчувствия фюрера. Хотя формально вторым человеком в государстве считался заместитель Гитлера Рудольф Гесс (Rudolf Heß – не путать с Рудольфом Хёссом (Rudolf Höß), комендантом Освенцима), Геринг был любимцем фюрера. Он построил люфтваффе с нуля, сделав эти части самой мощной военной авиацией в мире. «Беседуя с Герингом, я словно принимаю ванну из расплавленной стали, – говорил Гитлер нацистскому архитектору Альберту Шпееру. – Эти ванны меня очень освежают. Рейхсмаршал умеет представлять вещи в очень воодушевляющем свете»¹⁵⁴. По отношению к своему официальному заместителю фюрер испытывал иные чувства: «Каждый разговор с Гессом оборачивается невыносимым и мучительным напряжением. Он вечно приходит ко мне обсудить какие-нибудь неприятные вопросы и никак не желает отстать». Когда началась война, Гитлер выбрал именно Геринга в качестве своего первого премьера (на случай, если с самим фюрером что-то случится), а Гесс был лишь вторым.

Помимо авиации, Геринг обладал колоссальной властью и над другими областями жизни Германии, как явствует из его многочисленных официальных титулов: председатель Совета имперской обороны рейха, уполномоченный по четырехлетнему плану, председатель рейхстага, министр-президент (по сути, премьер-министр) Пруссии, имперский лесничий и егерь Германии (министр лесного и охотничьего хозяйства: эту должность он получил как знак признания его любви к истории Средневековья). Он вырос в настоящем средневековом замке с крепостными башнями и стенами с бойницами и машикулями для того, чтобы сбрасывать на осаждающих камни и лить на них кипящее масло и расплавленную смолу. В одном из докладов британской разведки отмечалось: «В детских играх он всегда избирал роль рыцаря-разбойника или предводительствовал деревенскими мальчишками, имитируя какой-нибудь военный маневр»¹⁵⁵. Геринг полностью контролировал немецкую тяжелую промышленность. По оценкам других британских наблюдателей, «этот нечеловечески безжалостный и энергичный человек сейчас сосредоточил в своих руках почти все рычаги власти в Германии».

«В свободное от основной работы время» Геринг заправлял целой криминальной империей торговцев предметами искусства и откровенных грабителей, добывших для него несметное количество произведений (их хватило бы на целый музей) – либо украденных, либо скупленных за бесценок – под угрозами – у прежних хозяев¹⁵⁶. Значительную часть этой коллекции составляло «бесхозное еврейское искусство», конфискованное из еврейских домов и квартир. В общей сложности тут насчитывалось около 1400 картин, скульптур и гобеленов, в том числе «Мост Ланглуа в Арле» Ван Гога и работы Ренуара, Боттичелли, Моне. Нацисты применяли термин «бесхозное» для обозначения произведений искусства, оставленных бежавшими или депортированными евреями. За время войны Геринг посетил Париж 20 раз (якобы по делам люфтваффе), часто – на одном из своих четырех «спецпоездов». Он приезжал туда, чтобы осматривать и отсортировать работы, которые его агенты собирали в музее Жё-де-Пом, расположенном в саду Тюильри. К осени 1942 года он только из этого источника получил 596 произведений искусства. Он демонстрировал сотни лучших работ в своей загородной резиденции Каринхалл (которая все чаще служила его штаб-квартирой), названной в честь его первой жены Карин, умершей в 1931 году. Картины рядами висели на стенах от пола до потолка: это под-

---

¹⁵⁴ Speer, *Inside the Third Reich*, 211.

¹⁵⁵ Air Ministry Weekly Intelligence Summary, No. 51, Aug. 23, 1940, AIR 22/72, UKARCH.

¹⁵⁶ "The Göring Collection," Confidential Interrogation Report No. 2, Sept. 15, 1945, Office of Strategic Services and Looting Investigative Unit, T 209/29, UKARCH. Это подробный и впечатляющий отчет о личной мародерской кампании, которую вел Геринг. Ее охват потрясает – как и глубина падения самого мародера. Материалы, процитированные в данном абзаце, можно найти на с. 7, 14, 15, 16, 18, 19, 25, 28, 35.

черкивало не их красоту и ценность, а ненасытное стяжательство их нового владельца¹⁵⁷. Свою постоянную тягу ко всякого рода изысканным вещам, особенно золотым, он удовлетворял и за счет «узаконенного» присвоения имущества. Кроме того, каждый год его подчиненным приходилось скидываться на покупку очередного дорогостоящего подарка ко дню его рождения¹⁵⁸.

Геринг спроектировал Каринхалл как аналог средневекового охотничьего домика. Он выстроил его посреди векового леса в 45 милях к северу от Берлина. Здесь же он воздвиг гигантский мавзолей для своей покойной жены – в обрамлении огромных столбов из песчаника, которые должны были напоминать камни Стоунхенджа. 10 апреля 1935 года он женился на актрисе Эмми Зоннеманн. Церемония бракосочетания прошла в берлинском кафедральном соборе. Ее посетил сам Гитлер. В небе кружили звенья бомбардировщиков люфтваффе.

Кроме того, Геринг любил роскошно одеваться. Он сам разрабатывал свою форму, стараясь, чтобы она была как можно более красочной: отсюда все эти медали, эполеты, серебристое шитье. Нередко он переодевался несколько раз в день. Он славился и более эксцентричными нарядами – порой щеголяя в туниках, тогах и сандалиях, создавая дополнительные акценты с помощью красного лака на ногтях пальцев ног и румян на щеках. На правой руке он носил большой перстень с шестью бриллиантами; на левой красовалось кольцо с огромным изумрудом квадратной огранки (как поговаривали, дюймового размера). Он вышагивал по территории Каринхалла, словно разжиревший Робин Гуд, – в подпоясанной куртке зеленой кожи, с большим охотничьим ножом за поясом, с посохом. Как вспоминал один немецкий генерал, однажды его вызвали на совещание к Герингу – которого он застал «восседающим в зеленой, расшитой золотом шелковой рубашке, с большим моноклем. Его волосы были покрашены в желтый цвет, брови подведены, щеки нарумянены. Лиловые шелковые чулки, бальные туфли из черной лакированной кожи... Он походил на какую-то медузу»¹⁵⁹.

Сторонним наблюдателям казалось, что Геринг не совсем в своем уме, но американский генерал Карл Спаатс, позже допрашивавший нацистских преступников, писал, что Геринг «отнюдь не является психически ненормальным – несмотря на все слухи о противоположном. Более того, его следует считать весьма расчетливым типом, искуснейшим актером, профессиональным лжецом»¹⁶⁰. Публика его обожала, прощая ему излишества, ставшие легендой, и нелегкий характер. Американский корреспондент Уильям Ширер, работавший в Германии, пытался объяснить в своем дневнике этот кажущийся парадокс: «Гитлер – далекий и туманный миф, человек-загадка. А Геринг – самый что ни на есть земной, эдакий сластолюбивый здоровяк из плоти и крови. Немцы его любят, потому что они его понимают. Он обладает недостатками и достоинствами среднего человека, и народ любит его за то и другое. Он по-детски обожает военную форму и медали. Но и они ведь тоже это обожают»¹⁶¹.

Ширер не мог уловить никакой обиды публики по отношению к той «фантастической, средневековой – и очень дорогостоящей – жизни, которую он ведет. Пожалуй, они бы и сами с радостью вели подобную жизнь, если бы им выпал шанс».

Геринг пользовался большим уважением среди своих офицеров – поначалу. «Мы клялись именем фюрера и боготворили Геринга», – писал один пилот бомбардировщика, объяснявший особенности Геринга его подвигами во время Первой мировой, когда тот был одним из лучших летчиков-асов и славился своей храбростью¹⁶². Однако теперь некоторые из его офицеров и пилотов все сильнее разочаровывались в нем. За глаза они стали называть его «нашим

---

¹⁵⁷ Speer, *Inside the Third Reich*, 214.

¹⁵⁸ Там же, 385.

¹⁵⁹ Dietrich von Choltitz Interrogation, Aug. 25, 1944, WO 208/4463, UKARCH.

¹⁶⁰ "Hermann Göring," Interrogation Report, Military Intelligence Service, U. S. Ninth Air Force, June 1, 1945, Spaatz Papers.

¹⁶¹ Shirer, *Berlin Diary*, 468.

¹⁶² Baumbach, *Life and Death of the Luftwaffe*, 55.

жирдяем». Адольф Галланд, один из ведущих истребителей люфтваффе, неплохо изучил его и часто спорил с ним по поводу боевой тактики. На Геринга с легкостью влияла «горстка подхалимов», отмечал Галланд, добавляя: «Его придворные-фавориты часто сменялись, поскольку его благоволение можно было завоевать и удерживать лишь при помощи постоянной лести, интриг и дорогих подарков»¹⁶³. Но Галланда еще больше беспокоило другое: судя по всему, Геринг не понимал, что методы боевых действий в воздухе со времен предыдущей войны радикально изменились. Летчик подчеркивал: «Геринг не обладал почти никакими познаниями в области техники и не разбирался в тактике боя современных истребителей»¹⁶⁴.

По мнению Галланда, главной ошибкой Геринга стало назначение своего друга Беппо Шмида на пост начальника разведывательного управления люфтваффе – подразделения, отвечавшего, в частности, за ежедневную оценку силы британской авиации. Это решение скоро привело к тяжким для Германии последствиям. «Беппо Шмид совершенно не годился на роль офицера разведки, – отмечал Галланд, – а это была тогда самая важная работа»¹⁶⁵.

Тем не менее Геринг слушал только Шмида. Он доверял Шмиду как другу – и, что еще важнее, наслаждался теми радостными вестями, которые тот, казалось, всегда готов предоставить своему шефу.

Когда Гитлер обратился к труднейшей задаче по завоеванию Британии, он – что вполне естественно – решил поручить ее Герингу. Тот пришел в восторг. В ходе Западной кампании все лавры достались сухопутной армии, особенно ее танковым частям, а авиация играла лишь второстепенную роль, обеспечивая поддержку с воздуха. Теперь же люфтваффе получило шанс стяжать славу. Геринг не сомневался, что его части победят противника.

Глава 7

Для счастья достаточно

Франция стояла на грани уничтожения, немецкие самолеты наносили новые и новые сокрушительные удары по британским и французским силам, сконцентрировавшимся в районе Дюнкерка, а между тем личного секретаря Джона Колвилла мучила другая проблема – он был влюблен¹⁶⁶.

Предметом его обожания стала Гэй Марджессон, студентка Оксфорда, дочь Дэвида Марджессона, того самого умиротворителя, на которого Клементина некогда так напустилась во время ланча. Два года назад Колвилл сделал Гэй предложение, но она ответила отказом. С тех пор он испытывал по отношению к ней противоречивые чувства: его влекло к ней, но отсутствие взаимности с ее стороны отталкивало. Разочарование заставляло его искать – и находить – недостатки в ее характере и поведении. Впрочем, это не мешало ему постоянно искать ее общества.

22 мая, в среду, он позвонил ей, чтобы удостовериться, что их договоренность насчет ближайшего уик-энда остается в силе: планировалось, что он заедет к ней в Оксфорд. Но она отвечала уклончиво. Вначале она сказала, что ему незачем приезжать, потому что ей надо поработать, потом уверяла, что днем планирует кое-чем заняться в университете. Он убеждал

---

¹⁶³ "The Birth, Life, and Death of the German Day Fighter Arm (Related by Adolf Galland)," Interrogation Report, 28, Spaatz Papers.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Conversation between Galland and Field Marshal Erhard Milch, June 6, 1945, transcript [расшифровка беседы между Галландом и фельдмаршалом Эрхардом Мильхом], Spaatz Papers.

¹⁶⁶ Дневниковые записи Джона Колвилла о Гэй Марджессон, зачастую проникнутые отчаянием, можно найти в рукописном оригинале его дневника в колвилловском отделе Черчиллевского архивного центра [The Colville Papers at the Churchill Archives Centre], но вся эта история, кроме немногочисленных мимолетных намеков на нее, исключена из подготовленной самим Колвиллом печатной версии дневников – «На обочинах власти» (The Fringes of Power).

ее все-таки исполнить договоренность, которую они заключили еще несколько недель назад. Наконец она уступила. «Она сделала это так неохотно. Я был весьма уязвлен тем, что она могла предпочесть какое-то жалкое студенческое задание встрече со мной, – писал он. – Просто удивительное безразличие к чувствам другого человека – хотя вы делаете вид, что относитесь к нему с симпатией»¹⁶⁷.

Впрочем, этот уик-энд начался на оптимистической ноте. Субботним утром Колвилл поехал в Оксфорд на машине. Стояла замечательная весенняя погода, воздух был пронизан солнечным светом. Но к его приезду небо затянуло облаками. После ланча в пабе они с Гэй поехали в Клифтон-Хэмпден, деревню чуть южнее Оксфорда, на берегу Темзы. Там они некоторое время валялись на траве и беседовали. Гэй была подавлена из-за войны и тех ужасов, которые та сулила. «Тем не менее мы неплохо провели время, – пишет Колвилл, – и мне для счастья было достаточно просто быть рядом с ней».

На другой день они вместе бродили по территории колледжа Святой Магдалины и некоторое время посидели, беседуя, но беседа как-то не задалась. Потом они поднялись в ее комнату. Ничего особенного там не произошло – она уселась заниматься французским, а он вздремнул. Позже они заспорили о политике. Гэй с недавних пор объявила себя социалисткой. Они гуляли по берегу Темзы (в границах Оксфорда она именуется Изидой), с ее бесчисленными плоскодонками и раскрашенными баржами. Ближе к вечеру они забрели в расположенный на самом берегу реки паб XVII века «Траут-Инн» (или попросту «Траут» [«Форель»]). Вышло солнце, и погода вдруг стала «великолепной», пишет Колвилл: объявилось «голубое небо и как раз такое количество облаков, чтобы заходящее солнце смотрелось эффектнее»¹⁶⁸.

Они обедали за столиком с видом на водопад, старый мост и край леса. Потом они пошли по пешеходной дорожке вдоль реки. Неподалеку играли дети. Перекликались чибисы. «Нет и не было лучшего пейзажа, среди которого можно ощущать себя счастливым, – пишет Колвилл. – Никогда не испытывал большей безмятежности и умиротворения».

Гэй чувствовала то же самое. Она сказала Колвиллу, что «счастья можно достичь, лишь если живешь настоящим мгновением».

Эта фраза казалась многообещающей. Но когда они вернулись в ее комнату, Гэй еще раз повторила свое решение: они с Колвиллом никогда не поженятся. Он пообещал подождать – на случай, если она передумает. «Она настаивала, чтобы я отказался от своих чувств, – пишет он, – но я сказал ей, что главное стремление всей моей жизни – чтобы она стала моей женой. И что я не могу перестать вздыхать об этой недостижимой луне, потому что эта луна значит для меня все».

Ночь с субботы на воскресенье он провел на диване в принадлежащем семье его невестки Джоан домике, расположенном на территории одного из близлежащих поместий.

В то же воскресенье, 26 мая, около семи часов вечера, Черчилль распорядился начать операцию «Динамо» – эвакуацию Британских экспедиционных сил с побережья Франции.

Между тем в Берлине Гитлер приказал своим танковым колоннам возобновить наступление на БЭС, которые теперь сосредоточились в портовом городе Дюнкерке. Правда, его войска двигались менее решительно, чем ожидалось: они рады были предоставить геринговским бомбардировщикам и истребителям возможность завершить выполнение этой задачи.

Но Геринг неадекватно воспринимал события, разворачивающиеся у побережья Дюнкерка, где готовились к эвакуации британские солдаты (которых немцы называли «томми»).

– Через пролив переправляются лишь несколько рыбацких шхун, – заметил он 27 мая, в понедельник. – Надеюсь, эти томми умеют плавать¹⁶⁹.

---

¹⁶⁷ Manuscript Diary, May 22, 1940, Colville Papers.

¹⁶⁸ Там же, May 26, 1940.

¹⁶⁹ Lukacs, *Five Days in London*, 140.

Глава 8

Первые бомбы

Мир затаив дыхание следил за этой операцией. Король каждый день отмечал количество бойцов, которым удалось спастись. Британское министерство иностранных дел ежедневно направляло Рузвельту подробные сведения о ходе эвакуации. Поначалу Адмиралтейство ожидало, что на британский берег смогут благополучно переправиться самое большее 45 000 человек. Сам Черчилль считал, что максимум – 50 000. Но реальное количество переправившихся в первый день (всего 7700 человек) вроде бы показывало, что обе оценки чересчур оптимистичны. Второй день (28 мая, вторник) оказался более удачным: эвакуировалось 17 800 человек. Но это все равно было значительно меньше тех масштабов эвакуации, которые требовались Британии для того, чтобы воссоздать полноценные боевые части. Однако Черчилль не опускал рук. Более того, казалось даже, что он полон энтузиазма. Впрочем, он понимал, что другие не разделяют его оптимизм: так, во вторник один из членов военного кабинета заявил, что перспективы БЭС выглядят «мрачнее, чем когда-либо».

Черчилль отлично осознавал, что уверенность и бесстрашие лучше всего передаются личным примером, поэтому он издал распоряжение о том, чтобы все министры демонстрировали силу духа и позитивный настрой: «В эти тяжелые дни премьер-министр будет весьма признателен своим коллегам в правительстве, а также ответственным должностным лицам за поддержание высокого морального состояния лиц, их окружающих, не преуменьшая серьезности событий, но выказывая уверенность в нашей способности и непреклонной решимости продолжать войну до тех пор, пока мы не сокрушим волю врага, желающего стать господином всей Европы»¹⁷⁰.

В этот же день он постарался раз и навсегда положить конец любимым мыслям о том, что Британия могла бы искать мира с Гитлером. Выступая перед 25 министрами, он сообщил им то, что ему известно о разгроме, угрожающем Франции, и признался, что даже он сам некоторое время рассматривал возможность переговоров о мире с Германией. Но теперь все изменилось, объявил он: «Я убежден, что все вы в едином порыве вышвырнули бы меня из правительства, если бы я хоть на мгновение задумался о том, чтобы пойти на переговоры или сдаться. Если долгой истории нашего острова суждено наконец завершиться, пускай в финале каждый из нас лежит на земле, захлебываясь собственной кровью»¹⁷¹.

На несколько мгновений наступила ошеломленная тишина. Потом министры, все до единого, поднялись с места, окружили его, принялись хлопать его по спине, громогласно выражая одобрение. Для Черчилля это было несколько неожиданно, но он испытал немалое облегчение.

«Он был прямо-таки великолепен, – писал Хью Дальтон, один из тех министров. – Самый подходящий человек для этого времени, другого такого у нас нет».

Здесь, как и во многих других речах, Черчилль продемонстрировал впечатляющую способность: умение делать так, чтобы слушатели ощущали себя значительно, сильнее, а главное – храбрее. Как полагал Джон Мартин, один из его личных секретарей, премьер «излучал уверенность и непоколебимую волю, которые заставляли людей проявлять силу и отвагу»¹⁷². Мартин писал, что под руководством Черчилля британцы начали воспринимать себя как «героев гораздо более масштабного действия, борцов за правое дело, которое непременно возторжествует, потому что за него сражаются даже звезды на своих небесных путях».

---

¹⁷⁰ Directive to Ministers, May 29, 1940, Prime Minister Files, BBK/D, Beaverbrook Papers.

¹⁷¹ Dalton, *Fateful Years*, 335–336. См. также несколько иную (и менее живописную) версию в: Andrew Roberts, *"Holy Fox,"* 225.

¹⁷² Wheeler-Bennett, *Action This Day*, 154, 156.

Он делал это и на более личном уровне. Детектив-инспектор Томпсон вспоминал один летний вечер в Чартуэлле (кентском доме Черчилля), когда премьер диктовал секретарше очередные служебные записки. В какой-то момент он открыл окно, чтобы впустить освежающий сельский ветерок, и в помещение влетела крупная летучая мышь. Она принялась бешено метаться по комнате, то и дело пытаясь спикировать на секретаршу. Та пришла в ужас, но Черчилль, судя по всему, не обращал никакого внимания на происходящее. Наконец он заметил, как девушка конвульсивно вжимает голову в плечи, и осведомился: что-то случилось? Она указала на крылатого агрессора – «большого и чрезвычайно враждебно настроенного» (как позже написал Томпсон).

– Ну вы же не боитесь какой-то там летучей мыши, а? – проговорил Черчилль.

Но она ее боялась – и дала это понять.

– Я вас защищу, – пообещал Черчилль. – Продолжайте работу¹⁷³.

Эвакуация из Дюнкерка в итоге оказалась невероятно успешной. Тут помогли и приказ Гитлера о временном прекращении наступления, и плохая погода над Ла-Маншем, мешавшая налетам люфтваффе. «Этим томми» все-таки не пришлось демонстрировать свое умение плавать. В Дюнкеркской эвакуации было задействовано в общей сложности 887 морских транспортных средств, из которых лишь четверть принадлежала Королевскому военно-морскому флоту. Помимо кораблей ВМФ в операции участвовало 91 пассажирское судно, а также целая армада рыболовных шхун, яхт и других маленьких судов. Удалось спасти 338 226 человек, в том числе около 125 000 французских солдат. Еще 120 000 британских бойцов еще оставались во Франции (в том числе Филипп, старший брат Джона Колвилла), но сейчас они пробирались к эвакуационным пунктам, расположенным на других участках французского побережья.

---

¹⁷³ "Private Life of a Prime Minister," MEPO 2/9851, UKARCH.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.